

45y

ПРЕЗИДЕНТ ПЛАНЕТЫ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-32

Дизайн переплета
Константина Гусарова

ЧБУ.

Ч-32 Президент планеты / ЧБУ. — Москва : Эксмо, 2022. — 576 с.

ISBN 978-5-04-168482-2

2096 год.

После величайшего кризиса мир разделился на две части, где богатые — тхари — наслаждаются благами цивилизации, пользуясь услугами роботов и дронов, а бедняки живут, погрязнув в нищете и преступности.

Но даже те, у кого есть все, хотят получить еще больше: несколько могущественных семей объединяются, чтобы свергнуть Келвинов с позиции властителей мира, захватив их компанию. Для детей Келвинов выход один — бежать.

Им придется спуститься с безоблачных высот в новый грязный мир. Чтобы вернуть свой дом и отомстить за свою семью, им предстоит пройти через ад трущоб, познать голод и страх, боль и унижение. Смогут ли они не потерять себя? И что обретут в поисках дороги домой?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168482-2

© ЧБУ, текст, 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

СТОЛИЦА. СУМАСШЕДШИЙ СОБЕСЕДНИК

Самый богатый в мире человек ехал по африканской дороге на бронированном лимузине. Спереди и сзади его сопровождали два внедорожника с охраной. Он был не просто богат, он был богаче всех богачей.

К ста четырём годам Эдуард Келвин купил половину мира, его капитал превышал состояние второго по обеспеченности человека более чем в пятьдесят раз. Ему принадлежала вся транспортная система на планете, а также строительные и добывающие компании. Он имел неограниченное влияние на экономическую и политическую сферы любой страны, за что и получил прозвище Президент планеты.

И он был стар. Его портретом можно было пугать детей: седые, почти прозрачные волосы, кожа землистого оттенка, худое, безжизненное лицо. Когда он закрывал глаза, то становился неотличим от мумии. Только спина, всегда прямая, сохраняла вековую нестигаемость. У него был рак половины органов, но Эдуард продолжал жить благодаря миллиардам наноботов, плавающих в его крови и уничтожающих любую заразу.

Эдуард приехал в Абуджу, столицу Нигерии, четыре дня назад. На улицах ночного города было шумно — мужчины и женщины, старики и дети, собаки, пешеходные дроны, автоматические уборщики. На тротуарах было не протолкнуться, и люди выходили на проезжую часть. Практически у всех в руках были биты, молотки, камни или куски железной трубы. Стоило проехать машине премиум-класса, на неё со всех сторон сыпались удары. Здесь, как и во всём мире, ненавидели богачей. Каждый третий потерял работу после величайшего всемирного кризиса в две тысячи восемьдесят девятом году, что повлекло за собой ненависть низшего класса к высшему. К две тысячи девяносто шестому кризис не только не закончился — он набирал обороты, и с каждым годом положение простых людей становилось всё хуже.

Преступность достигла небывалых высот. Чтобы не умереть от голода, людям приходилось грабить и убивать. Никто больше не был в безопасности в таком мире.

На каждом углу стояли продавцы синтетических наркотиков: натуральные были слишком дороги. У каждой стены — проститутки. У каждого перехода — попрошайка. И на фоне всей городской разрухи двигались многочисленные рекламные голограммы, призывающие купить экзоскелет для инвалидов или шампунь от перхоти с генно-модифицированными полезными микроорганизмами.

Эдуард видел всё это из окна и чувствовал лишь глубокую печаль: он помнил те времена, когда люди на улицах спешили на работу, а не были вынуждены зарабатывать прямо на ней.

— Михал, какая у тебя самая большая мечта? — спросил Эдуард у помощника, сидящего напротив.

Тот некоторое время молчал, будто раздумывал, как ответить на такой личный вопрос. Старик никогда не интересовался его жизнью, не спрашивал про семью или здоровье. Его не интересовало ничего, кроме работы. Надо было умереть, чтобы он спросил

о чём-нибудь личном. И это всё равно было бы что-то колкое, наподобие: «Ты что, умер? Если ты умер, ты не сможешь работать в моей компании». Потому что старик мог увольнять работников легче, чем сбивал снег с ботинок.

— Никогда не думал об этом, — ответил Михал и понадеялся, что это последний подобный вопрос. Ничего хорошего такие разговоры не предвещали. — Наверное, это слишком необычно, но я с самого детства мечтаю уметь путешествовать во времени. Знаете, как в комиксах. Это единственное, что я не могу купить: всякие яхты и самолеты мне уже не интересны.

— Опять эти комиксы, — проворчал Эдуард. — Куда ни глянь, комиксы. Я спрашивал о нормальной, человеческой мечте. Есть ли такая вещь, которую ты хотел сделать всю жизнь? Хотел бы пожить год в Тибете? Слетать на Марс? Погрузиться на глубину в подводной лодке? Уехать с бродячим цирком?

— Нет, это точно нет. Сто процентов. Будь я настолько романтичен, сейчас курил бы травку и пел песни под гитару с немытыми сопляками из трущоб.

— Значит, твоя мечта — стать очень богатым? Богаче меня?

В ответ Михал лишь пожал плечами. Да, он действительно хотел стать самым богатым человеком в мире, но у него бы это не получилось. В корпорации «Транстек», которой владел Эдуард, был целый отдел, который давил конкурентов. Демпинговал цены, выкупал поставки, разорял всех, кто захотел влезть в уже занятую сферу. В этом отделе люди, как пауки, сидели перед мониторами и наблюдали, не шелхнётся ли где-нибудь нить. Им было видно всё: кто взял, что взял, куда везёт, почём купил. Если происходил оптовый заказ, неважно где, значит, мелкая компания нащупала выгодную жилу. Отдел бросался на неё и делал так, что компания уходила туда, откуда появилась. В каждой крупной компании теперь был отдел конкуренции.

— Я хочу сделать что-то важное, — произнёс Эдуард.

— В каком смысле? — спросил Михал.

— Всю жизнь я копил деньги, дрался за каждый цент, состояние было моей целью, и я продолжаю зарабатывать. Когда я уйду из этого мира, окажется, что всё моё состояние, мой песчаный замок, который я возводил всю жизнь, мгновенно снесёт приливом.

— Вы, наверное, шутите, — усмехнулся Михал и затем добавил, уже серьёзно: — Шутите, верно?

Михал был молод — ему едва перевалило за сорок, и не хватало минимум пятидесяти лет для того, чтобы понять проблемы старика. Всё, о чём он думал, — это деньги и власть, прямо как Эдуард в молодости. Михал был родом из маленького российского городка Лингуин на границе с Китаем, вырос в бедности, и это оставило на нём свой отпечаток. Теперь его мучало патологическое накопительство. Он был жаден и пытался дотянуться до всего, что оказывалось в его поле зрения. Даже воровал ручки из приёмных различных компаний. Он одевался так, словно все вещи перешли к нему по наследству, ел самую простую пищу, а в свободное время ездил на «Фольксвагене Дейл» две тысячи семьдесят четвёртого года, древней развалюхе, купленной с рук. Из электроники в его автомобиле был лишь транзистор на последнем издыхании, управляющий сигнализацией. А включался он скруткой проводов.

Однажды Эдуард оказался в имени Михала в Германии. Такого бардака он не видел даже на свалке. Михал нёс в дом абсолютно всё, что могло пригодиться и не могло никак. Выглядело это невероятно дико: дом, стоимостью в миллионы долларов, элитный район, дорогая охрана, а внутри целый склад барахла, который не взяли бы и бездомные. Эдуард заставил Михала купить для работы дорогой костюм, чтобы выглядеть представительно, — тот два дня ходил с кислым лицом. Но он был хитёр, этого не отнять, про таких говорили «без мыла влезет».

— Вы самый известный человек в мире, вы достигли вообще всего что можно, — сказал Михал. — Чего вам ещё желать?

— Знаешь, для чего обычные люди копят деньги? — спросил Эдуард, обращаясь будто в пустоту.

— Разумеется, знаю. Мой отец пытался купить дом, но всё проигрывал в карты.

— Они копят, чтобы их потратить, — вот в чём наше отличие. Я же зарабатывал их, чтобы они были.

— Быть самым богатым человеком — здорово, разве нет?

— Было, — ответил Эдуард. — Больше нет. Уже лет двадцать деньги не приносят мне никакого удовлетворения, поэтому я решил их потратить.

— В каком смысле? — Лицо Михала вытянулось. — На что?

— Посмотри в окно. Что ты видишь?

— Бродяг, наркоманов, воров.

— Ты видишь безработных, — поправил Эдуард. — Несколько лет назад мы сделали их такими. Экономика лопнула, и это повлекло за собой смуту. Никто не знает, сколько продлится этот кризис. Я намерен это исправить.

— Скажите, что вы шутите, пожалуйста. Вы ведь не собираетесь покупать еду этим голодранцам?

— Конечно, нет, — ответил Эдуард. — Я не куплю то, что можно проесть или износить, этим пусть занимаются производители кроссовок. Я дам всем работу, построю тысячи заводов по всему миру и создам новую банковскую сеть. Но это ещё не всё: яволю огромные деньги в освоение новых планет. Хочу, чтобы люди жили не только на Луне и Марсе, и тогда меня запомнят не просто как самого богатого человека.

— Вы сегодня ели? — спросил Михал. — У вас нездоровый вид.

— Мне сто четыре! И я ещё никогда не был в столь здоровом уме.

Много лет назад Эдуард принимал участие в финансировании строительства колонии на Марсе, а также в создании жилых и рабочих пространств на Луне. Это не принесло ему финансовых успехов, но он всё равно был доволен проделанной работой. На Марсе сейчас живёт больше пятнадцати тысяч человек, а Луна и вовсе изменила вид — сейчас, если посмотреть на небо, можно увидеть белый диск, крест-накрест пересечённый чёрными линиями человеческих построек.

Больше часа они ехали молча. Радио не играло, а телохранитель Хи на переднем сиденье, отделённый от них перегородкой, вообще никогда не разговаривал. Изредка в борт прилетал камень, брошенный из толпы, или были слышны ругательства в их адрес. Транспортom управлял автопилот, он мягко вёз их в центр города, где за бетонным забором находился район элитных особняков.

Эдуарда не покидало чувство тревоги, но не из-за разгневанной толпы на улице, а по другой причине. Он всегда прислушивался к своей интуиции, и если другие люди видели в ней что-то сверхъестественное, то он объяснял её гораздо проще: глаза заметили то, что сознание видеть не хочет.

Некоторое время он ёрзал на месте, пытался понять, откуда исходят тревожащие мысли. Наконец он нашёл то, что так его насторожило.

— Почему горит эта лампочка? — спросил он сухим, как у вороны, голосом.

— Какая? — спросил Михал.

— Вот эта.

Эдуард указал на красную точку в углу монитора, встроенного в водительское сиденье. Он знал, что она обозначает, но хотел убедиться в этом.

— Включённый микрофон, очевидно. Сейчас все микрофоны имеют индикатор, чтобы знать, когда можно говорить, а когда нет, чтобы не попасть в неловкую ситуацию.

— Так почему эта лампочка горит?

— Думаете, нас прослушивают? — спросил Михал. — Это маловероятно: чтобы взломать шифрование, уйдут десятки лет.

— Но она всё-таки горит, — заметил Эдуард. — Значит, микрофон включён, и где-то какое-то ухо внимает нашим словам.

— Не думайте об этом, скорее всего, это ошибка. Нас не могут подслушать.

— Ты шутишь? Звони диспетчеру и узнавай, почему горит эта лампочка. И если нас прослушивают, выясни, кто это сделал.

Иногда неглупые люди проявляли немислимую глупость. Эдуард не считал себя современным человеком. Он всегда с подозрением относился к новым технологиям, тогда как остальные доверяли им свои жизни. Когда в машины поголовно ставили автопилоты, Эдуард сопротивлялся сколько мог. Он предпочитал человека за рулём, а не компьютер. Когда с заводов увольняли людей, заменяя их роботизированными руками, он мог лишь грустить. А когда армия США решила обзавестись военными роботами, он восстал. Сказал, что профинансирует все остальные армии мира, если Штаты закупят роботов. Безопасность людей должна находиться в их руках, а не умной техники. Казалось, он единственный, кто это понимал.

Из нагрудного кармана Михал достал новенький корпоративный смартфон — «Сони Стар четыре» — и позвонил в местную службу проката, являющуюся дочерней компанией их корпорации «Транстек». Эдуард тем временем обратился к голосовому ассистенту автомобиля:

— Зена, ответь на вопрос.

— Слушаю вас, Эдуард, — ответил мелодичный женский голос с нотками жизнерадостности. Следом раздался сигнал, означающий, что помощник слушает команду: «Дилинь».

— Почему горит красная лампочка в углу экрана?

— Горит индикатор работающего микрофона, он означает, что в данный момент одно из установленных приложений записывает звук с целью получения голосовых команд.

«Дилинь».

— Индикатор горел минуту назад, когда мы с тобой ещё не разговаривали. Отследи, кто его использовал.

На экране появилась круговая стрелка загрузки, и через минуту Зена ответила, как всегда, оптимистично:

— Ни одно приложение не использовало микрофон минуту назад.

«Дилинь».

— Тогда кто его использовал?

На этот раз стрелка загрузки на экране провисела чуть дольше. Михал всё ещё говорил по телефону с администратором, пытаясь убедить того разбудить команду разработчиков программного обеспечения.

— Микрофоном воспользовалась программа «Плутто», источник неизвестен, — ответила Зена, и Эдуарду показалось, что из её голоса пропала жизнерадостность.

«Дилинь».

«Плутто?!» — удивился Эдуард. Этот компьютерный вирус создала хакерская группировка, и, по слухам, он мог взломать защиту любого компьютера. Для Эдуарда это всегда звучало как шутка, ведь название вируса совпадало с именем мультяшной собаки.

— Что это за программа? — спросил он. — Как она смогла обойти шифрование?

Вопрос остался без ответа, лишь бесконечная загрузка напоминала о присутствии голосового помощника.

— Всё верно, нас прослушивают, а это, как вы понимаете, совершенно неприемлемо в машине премиум-класса, — говорил в телефон Михал, поправляя съехавший набок галстук. В машине стало жарко.

— Смени код шифрования, — приказал Эдуард.

— «Плуту» — это мой хозяин, — ответила Зена, проигнорировав последнее предложение.

«Дилинь».

— Что значит «твой хозяин»? Это я твой хозяин. Я взял машину в аренду, значит, ты должна слушать меня.

Кондиционеры всё больше раскаляли воздух. Михал, поглощённый телефонным разговором, автоматически снял пиджак и положил на сиденье рядом с собой. Эдуард попытался открыть окно, но кнопка стеклоподъёмника не сработала.

— Хи, выключи кондиционер и открой окна, — сказал Эдуард в перегородку, ведущую к водителескому сиденью.

— Не получается, — после паузы ответил телохранитель. — Окнами управляет борткомпьютер.

— Вы мой клиент, — ответила Зена. — А «Плуту» — мой хозяин. Только он может приказывать мне.

«Дилинь».

— Разорви все соединения и смени код шифрования, — приказал Эдуард, не ожидая реакции, но она ответила:

— Слушаюсь. Код шифрования успешно изменён.

«Дилинь».

Значок работающего микрофона погас лишь на секунду, а затем загорелся вновь. Автомобиль начал разгоняться, на переднем сиденье послышалось шуршание — Хи попытался отобрать руль у автопилота.

— Индикатор ещё горит, — заметил Эдуард. — Почему?

— Потому что ваш компьютер взломан, — ответил мужской голос.

От удивления и Михал, и Эдуард дёрнулись в стороны. Они не ожидали услышать рядом с собой кого-то постороннего. На экране водительского сиденья появился взлохмаченный человек, будто несколько месяцев не прикасавшийся к расчёске. Его длинные светлые волосы свисали до самых плеч,

а неухоженная борода спуталась. Под бледно-голубыми глазами виднелись синяки от бессонных ночей. Парню перед ними было около тридцати, но выглядел он намного старше Эдуарда.

— Знаете, кто я? — спросила голова.

Все знали этого человека — самого известного в мире киберпреступника. Он возглавлял хакерскую группировку «Гелеарте», и каждую неделю его небритое лицо появлялось в выпусках новостей в связи со взломом очередной базы данных. На его совести было множество человеческих жизней: хакер пускал сверхскоростные поезда под откос, сбивал электронику самолётов, перехватывал управление автомобилей и отключал холодильники, где хранятся дорогие медицинские препараты. Судя по всему, он поставил себе цель уничтожить как можно больше людей. Не существовало в мире более ненавистного террориста. Его желали поймать спецслужбы каждой страны, за информацию о нём предлагались огромные деньги, но тем не менее найти его не удавалось. Он был одним из немногих людей, которым был запрещён въезд на Марс. В колонию на соседней планете принимали всех, кто желал участвовать в освоении новых территорий. Любой преступник мог попросить убежища, и ему предоставили бы бесплатный билет на межпланетный перелёт в обмен на пожизненную работу в марсианской корпорации: строительство домов, прокладка дорог и обслуживание многочисленных приборов.

Но не Клаусу Беккеру — этого человека ненавидели все.

— Клаус Беккер, — ответил Михал. В его голосе появились панические нотки. Связь с этим человеком не могла означать ничего хорошего.

— Никогда не любил это имя, — ответил человек в мониторе. — Но вы правы, это я. Знаете, почему я здесь?

— Избавь нас от своего присутствия, — ответил Эдуард. Он был слишком стар, чтобы бояться пусть и

самого опасного преступника. — У нас есть дела поважнее, чем разговаривать с такими, как ты.

— Я здесь для того, чтобы ускорить человеческий прогресс.

— Михал, отключи его, — приказал Эдуард. — Не хочу слушать очередной пропагандистский бред всяких фанатиков.

Повинуясь команде, Михал отключил экран, но тот загорелся вновь. Машина тем временем неслась на огромной скорости. Эдуард никогда не пристёгивался, когда ездил в машине: автопилоты никогда не попадали в аварии. Однако в этот раз он всё же пристегнул пятиточечный ремень.

Словно в ответ на это, машина ударилась в ограждение и чудом не улетела в кювет, что было бы гарантированной смертью для всех трёх пассажиров: по ту сторону ограждения находился обрыв высотой в сорок пять метров. От удара Михал залетал по салону, как пластиковый мячик в игровом автомате.

Обе машины сопровождения остались далеко позади. Эдуард видел, как те резко затормозили.

— Хи, что там происходит? — закричал Михал, упираясь руками в потолок, а ногами в пол.

— Машина хочет нас убить, — слышался приглушённый из-за перегородки ответ. Хи на водительском сиденье давил на тормоз и крутил руль, сражаясь со взбесившимся автопилотом.

— Чего тебе надо? — спросил Эдуард, когда они выехали на ровную дорогу. — Исчезни!

Движение стало плавным: машина больше не пыталась перевернуться. Она приближалась к блокпосту, отделяющему город Абуджа от района элитных особняков. Такие территории, обнесённые забором, есть в каждом городе. Их построили после голодных бунтов, когда богатых людей вытаскивали из домов, номеров отелей, избивали и привязывали голыми к фонарным столбам.

Периметр охраняли дроны-разведчики и автоматические турели. Любой, кто пожелал бы перелезть

через забор, оказался бы на той стороне с полными карманами свинца, а микроволновые пушки могли превратить любого в запечённую котлету. Раньше территорию охраняли живые люди с шокерами, но вскоре их заменили, когда в нескольких городах стражи открыли ворота бунтующим, поддавшись психологическому давлению толпы.

Бронированный лимузин остановился перед стальными воротами с надписью «Въезд только по пропускам». Эдуард посмотрел на роботов-стражей с пулемётами в руках, их было трое: два стояли у дороги, третий на вышке. По обыкновению, один из них уже должен был подойти для визуальной идентификации: убедиться, что машину не угнали те, кому въезд запрещён. Однако сейчас оба стояли по стойке смирно, повернув головы в их сторону.

Внешность для роботов выбрали устрашающую. Любой негодяй при взгляде на такого решит красть и убивать где-нибудь в другом месте. Белый корпус можно было заметить издали даже ночью, широкие плечи и оружие весом в пятьдесят килограммов отпугивали даже самых отчаянных грабителей. Голова, выполненная в стиле скалящейся волчьей морды, даже появилась на обложке журнала Tech, чем вызвала у многих читателей обоснованную тревогу.

Эдуард смотрел на такого робота и не понимал, почему тот не двигается. Страж лишь стоял у дороги и глядел на машину издали, словно ожидая чьего-то приказа. Небольшой индикатор на груди горел циановым — обновление, в него что-то загружали.

— Мне это не нравится, — подал голос Михал и дёрнул ручку открытия двери. — Мы заперты.

— Хи, сдай назад, — приказал Эдуард.

— Не могу, автопилот не отдаёт управление.

— Эдуард Келвин, — заговорил Клаус, когда понял, что с ним не собираются вести диалог. — Вы использовали своё влияние, чтобы затормозить переход всей транспортной и строительной сферы на автоматическое управление. Вы хотели, чтобы каждым

устройством управлял человек. Даже автопилот из-за вашего вмешательства в эту машину поставили на пять лет позже запланированного. Вы говорили, что не хотели, чтобы люди теряли работу из-за автоматизации, но на самом деле вы боялись потерять контроль. Боялись, что однажды человек станет не нужен и роботы смогут обходиться без него. Но прогресс не остановить. Дабы ускорить переход всех устройств в мире на самоуправление, мы приняли решение отстранить вас от участия в дальнейшем развитии техники.

Стальной охранник с волчьей мордой двинулся в их сторону. Каждый шаг его трёхсоткилограммового тела отдавался скребущим по асфальту звуком. Хотя внешне он походил на человека: имел две руки, две ноги, голову, — его походка совершенно отличалась от человеческой, и это вселяло противоестественный страх. Он двигался слишком плавно, не раскачиваясь в стороны и совершенно не шевеля руками для противовеса — человек бы даже с пулемётом шагал более грациозно.

— Пошёл на хер! — ответил Эдуард. — Будешь рассказывать всю эту херню на встрече анонимных психопатов. А я поеду домой. Не желаю тебя больше слушать ни секунды.

— Погодите! — вставил Михал. — Мистер Беккер, давайте договоримся.

— Никаких переговоров не будет, — сказал Клаус грустным голосом. — Мы с ребятами приняли окончательное решение. Оно не подлежит обсуждению. Корпорация «Транстек» должна сменить своего хозяина.

— Никто с тобой договариваться и не собирался, — ответил Эдуард с презрением. — Слишком много в тебе самомнения для такого ничтожества.

Страж остановился у окна лимузина и наклонился, чтобы заглянуть внутрь, стекло опустилось вниз само по себе, и в салон ворвались звуки улицы: далёкая сигнализация, шоссе, музыка из ближайшего ма-

газина. Металлическая голова повернулась в сторону старика, и некоторое время они смотрели друг на друга.

— Эдуард, бегите! — закричал Хи, запертый на переднем сиденье. Он пытался выбить окно перегородки или распороть обшивку сиденья и выползти назад, но это занимало слишком много времени.

Михал настолько испугался, что замер с телефоном в руке, притворяясь статуей.

— Пропусти нас, — приказал Эдуард волчьей морде. Он никогда не дружил с умной техникой и не понимал, что сейчас «Плут» повелевает телом дрона.

— Эдуард Келвин, — произнёс страж безжизненным металлическим голосом, доносящимся не изо рта, а словно отовсюду. — Вам отказано в существовании.

После этих слов страж поднял пулемёт и направил ствол в окно. От звука выстрелов Михал моментально оглох. Он кричал, но не слышал собственного голоса. Пороховая вонь заполнила его лёгкие, он кашлял, но не обращал на это внимания. Какая-то жидкость брызгала на него. Ему хотелось обрести способность проходить сквозь стены, чтобы упасть сквозь днище машины на асфальт и укатиться прочь.

В полной беспомощности Хи видел в зеркало заднего вида, как страж, созданный для охраны таких людей, как Эдуард, расстреливает его клиента. Хи переполняли гнев и обида. Вряд ли в мире найдётся телохранитель, который потерял подопечного более глупым образом.

Через двадцать секунд, когда от Эдуарда ничего не осталось, страж снова наклонился к окну и произнёс, словно ничего не произошло:

— Всё в порядке. Можете проезжать.

Окно заднего пассажирского сиденья закрылось, и машина поехала дальше, в сторону арендованного особняка, в котором жил Эдуард во время визитов в Нигерию. Их встретили испуганные люди, даже об-

слуга ближайших домов вышла на улицу посмотреть, что произошло. Михал по-прежнему сжимал в руке телефон, всё его тело покрывала кровь. Он ещё не думал о том, как будет звонить жене Эдуарда. Хи плакал: он успел полюбить старика за шесть лет работы.

Автомобиль остановился у дальнего коттеджа и заглушил двигатель. Дверь сама по себе открылась, и дворецкий, вышедший встретить Эдуарда, увидел лишь Михала, сверкающего безумными глазами. Увидел, во что превратился салон лимузина.

Из динамиков раздался вежливый мужской голос:

— Мы рады, что вы обратились к службе такси «Мех'Аанд». Пожалуйста, оцените качество предоставленной услуги.

На экране в переднем сиденье, где недавно находилась голова известного киберпреступника, появилась строка из десяти звезд, где пользователю предлагали поставить оценку от одного до десяти. Михал вытер лицо платком, ткнул пальцем в первую звезду и в появившемся меню выбрал графу «Неприемлемый сервис».

Скоро ему придётся позвонить детям Эдуарда и сообщить, что теперь они самые богатые люди на планете.

ПОСЁЛОК.

САМАЯ ДОРОГАЯ ЕДА В МИРЕ

Новость мгновенно захватила все информационные ресурсы. Говорили, планета лишилась своего президента. Однако империя «Транстек» и не думала разваливаться — совет директоров продолжил управлять компанией, придерживаясь всех намеченных направлений.

На похороны Эдуарда в Гибралтар, что в Марокко, прилетели все, кто пожелал проститься. Изначально

Гибралтар возник у подножия горы Бо Насер как посёлок — закрытая территория для богачей, или «тхари», так на арабском называют богатых людей. Этот посёлок, обнесённый забором по кругу, построили после голодных бунтов, прошедших по всему миру в две тысячи восемьдесят девятом. Богачи опасались за свою безопасность, поэтому построили себе отдельное поселение со всеми необходимыми защитными мерами.

А позже из посёлка вырос и город, как гриб, качающий соки из могучего дуба с золотыми желудями.

В итоге город Гибралтар стал четвёртым по численности населения после Шанхая, Мумбая и Стамбула. Он насчитывал сорок пять миллионов жителей и занимал восемьдесят километров в поперечнике.

На время похорон количество охраны увеличилось втрое, однако похоронами это назвать было трудно: по завещанию Эдуарда его тело кремировали, а прах унесли, и даже семья не знала, куда именно. Поговаривали, что он приказал выбросить его прах в ближайшее мусорное ведро.

Эдуард всегда говорил, что его личность — это разум, а не тело. Поэтому с телом стоит поступить как с любым неодушевлённым предметом. Он не хотел, чтобы где-то на холодной полке стоял сосуд с его именем.

Посёлок по периметру охраняла целая армия людей с винтовками и микроволновыми пушками: робостражей временно убрали для диагностики. Хи вёз Михала на арендованном «Ниссане Котаро», несмотря на имеющийся автопилот, Хи управлял машиной сам.

За прошедшие две недели Михал внешне сильно изменился, Хи это видел, ведь общался с ним каждый день. Если раньше Михал выглядел как парень из поп-группы с взлохмаченной модной причёской, то сейчас походил на безумца: бегающие глаза, нездоровый цвет кожи, странная улыбка, то появляющая-

яся, то исчезающая без видимых причин. Ещё и новая привычка постоянно оглядываться.

Совет директоров хотел назначить Михала временным директором вместо Эдуарда до того, как увидел его. Он выглядел слишком подавленным, чтобы возглавить самую большую компанию в мире. После похорон Михал собирался в Германию, чтобы пройти курс психологической реабилитации. Он утверждал, что без помощи не сможет вернуться к работе.

— Почти приехали, — сообщил Хи, глядя через зеркало на Михала. Тот сидел, опустив глаза, ему совсем не хотелось никуда идти.

У дома Эдуарда стояло немыслимое количество охраны. Сотни две, если не больше, и у каждого на ремне висел пистолет-пулемёт. Наверное, ещё ни разу в одном месте не собиралось столько богачей. На дороге повсюду были бронированные автомобили, машины сопровождения с микроволновыми турелями, виделось даже несколько БМП с солдатами внутри. Но больше всего Хи удивила глушилка: ничем не примечательный фургон «Опель Дивайн», не отличимый от фургонов доставки еды.

В две тысячи восемьдесят восьмом Хи был телохранителем генерала Сераджа в Индии, который возглавил первый голодный бунт и на долгие девять месяцев погрузил страну в пучину войны. Он сверг правительство и провозгласил независимость, свободу от всех долгов и обязательств. Сераджа поддерживала вся страна, но долго это продолжаться не могло. В Индии находился огромный рынок с миллиардами покупателей, и богачи не могли лишиться его — собрали армию в поддержку свергнутого правительства, чтобы подавить мятеж. Вернуть к власти тех людей, кого назначили они.

За следующие два года голодные бунты произошли в каждом крупном городе планеты, но успешным был лишь самый первый. Только генерал Серадж смог на длительный срок избавить страну от влияния ненавидимых всеми богатыми людей.

В те годы Хи часто видел фургоны «Опель Дивайн». Почему-то глушилки устанавливали только в автомобили этой модели.

Особняк семьи Келвин находился на территории, со всех сторон огороженной деревьями и высоким забором, увитым декоративным плющом. На лужайке хватило бы места, чтобы посадить грузовой самолёт, а на заднем дворе уместились бы ангары военного флота. Дом состоял из двух этажей и с высоты напоминал звезду: у Эдуарда было пять детей, и каждому из них было отведено отдельное крыло с собственной спальней, ванной, гостиной и различными комнатами по личным желаниям: от мини-кинотеатра и тренажёрного зала до помещения со стеклянными стенами для медитации.

Перед входом в дом Хи в очередной раз увидел перевоплощение, которое позволило Михалу стать помощником Эдуарда. В один короткий миг его лицо изменилось: из грустного и задумчивого превратилось в открытое и жизнерадостное. Человек, вызывающий жалость, стал человеком, вызывающим симпатию и желание поговорить.

Холл особняка соединялся с залом и представлял собой широкое двухэтажное пространство с балконом. Внешний строгий стиль преобладал и внутри помещения: здесь не было многочисленных статуй и изысканных картин, какие размещали в своих домах другие. Здесь всё было очень дорогим, но неброским. Любой элемент декора или мебели стоил столько, что Хи даже с его зарплатой в пятнадцать миллионов в год не смог бы себе позволить ничего из этого. Однако на первый взгляд казалось, будто это обыкновенный дом человека с не самым большим достатком.

Внутри былолюдно — приехали все, кто как-то был связан с главой семьи: старые приятели, бизнес-партнёры, дальние родственники, руководители структурных подразделений, кто-то из совета директоров. Все, кто хотел проститься, а также те, кто хотел

позлорадствовать. Последних было намного больше, поэтому общее настроение в доме было весёлым, а не скорбящим. Все прийти ещё не успели, а уже слышался смех и весёлые шутки, стучали бокалами шампанского, которое разносили дроны-официанты с подносами.

В этом доме Хи чувствовал себя неудобно, он боялся встретиться взглядом с кем-нибудь из хозяев, будто, посмотрев в глаза, гости узнают его и скажут: так это ты позволил Эдуарду умереть, не позаботился о нём в нужный момент. Теперь, когда Хи остался без работы, жизненно необходимо было найти нового человека, которого бы он охранял. Желательно кого-нибудь из детей Эдуарда.

У Эдуарда не было биологических детей, ведь он захотел их слишком поздно, будучи глубоким стариком. Поэтому он с женой, старше которой на восемнадцать лет, усыновил пятерых сирот.

В углу зала стоял рояль «Шиммель», за которым сидел младший сын — Дарвин. Он играл что-то классическое, играл прекрасно, но это, по-видимому, никому не нравилось, потому что возле него образовалось свободное пространство: никто не подошёл поближе послушать музыку. Только старый семейный мастиф Лео сидел рядом и обожающими глазами смотрел на мальчика, а Дарвин иногда отвлекался, чтобы почесать его за ухом.

Михал ушёл поздороваться с гостями, а Хи увидел Артура, среднего сына Эдуарда. Он двинулся к нему, однако путь перегородил паренёк лет двадцати пяти. Стас — это его полное имя, а не сокращение, — личный охранник Артура, чемпион Европы по стрельбе из пистолета.

— Чего тебе надо? — спросил Стас очень мягко.

— Поговорить с твоим клиентом.

— О чём?

— О том, какой у него недалёкий телохранитель.

И что ему стоило бы взять нормального, квалифицированного.

— Интересно, про кого это ты говоришь?

— Уйди, — попросил Хи.

— Ухожу, — ответил Стас и скрылся. Они между собой часто обменивались колкостями, и ни один не обижался.

За барной стойкой Артур пытался ножом открыть моллюска. Артуру было семнадцать, но усыновили его всего два месяца назад, и он чувствовал себя новичком среди тхари — богатые люди тоже называли себя этим словом, но в отличие от бедных не вкладывали в него негативного подтекста. Эдуард знал родителей Артура и, когда парень остался совсем один, усыновил, хотя тому оставалось меньше года до совершеннолетия. Краем глаза Хи заметил презрение, исходившее от ближайших гостей. Их косыми взглядами можно было резать металл.

Каждый раз, когда семья Келвин усыновляла кого-то, репортёры начинали рассуждать, почему это было сделано, и составлять списки более подходящих кандидатов на эту роль. На самом деле всё было проще: Эдуард усыновлял тех, кого встречал лично, он никогда не заезжал в детские дома и не интересовался, кто прямо сейчас нуждается в родителях. Дети с улицы моментально становились для окружающих причиной зависти.

В Артуре чувствовалась некая уличная сила. Он не был размазнёй, как отпрыски богатых родителей. Он был очень скрытен, мало разговаривал, много слушал, не позволял кому-то говорить о себе плохо. Артур был из тех людей, кому легко достаётся и женское, и мужское внимание. Что бы он ни делал, он всегда выглядел эффектно, словно прирождённая фотомодель, всегда знал, какую позу принять, чтобы выразить нужную эмоцию. Его причёска всегда была на гребне современной моды. Его лицо подошло бы для любого мужского или женского журнала: оно было волевым, с сильным подбородком и одновременно выразительным. Он предпочитал носить лёгкую спортивную одежду, но на нём всё смотре-

лось отлично. Он легко мог бы стать манекенщиком мирового уровня и рекламировать самые модные бренды.

— Помочь? — спросил Хи.

Сразу после вопроса нож Артура съехал по раковине и рассёк ему ладонь.

— Вот чёрт, — выругался Артур, глядя на то, как на узком порезе появляются капельки крови. — Как легко нож мою кожу разрезал, а ведь он лишь слегка коснулся.

— А чего ты ожидал?

— Думал, он будет гораздо более тупым. Здесь, наверное, есть человек, который точит ножи каждый день.

— Есть, — ответил Хи. — Не волнуйся, я прикажу его уволить. Нечего в доме острым ножам делать.

Капля крови всё увеличивалась в размере. Кажется, Артур пытается угадать, до какого размера она сможет вырасти. Он смотрел на свою пораненную руку, как на экспонат в музее.

— Эта штука стоит две тысячи долларов, — сказал Артур, по-прежнему сжимая в руке моллюска. — И водится только в северных водах Красного моря. В год их собирают около сорока тысяч. Прикинь?

Рядом с ним лежал телефон с включённым экраном. Кажется, весь последний час Артур искал информацию о еде, которую ест, и о том, сколько она стоит. Он ещё не привык к дорогим вещам и удивлялся каждой покупке, которую совершает его семья.

— Это ещё не самая дорогая вещь в доме, — ответил Хи. — Попробуй вон тот суп с белыми трюфелями.

— Не люблю супы.

— Это раньше ты их не любил, а сейчас полюбишь, ведь стоимость одной порции этого супа — двадцать тысяч долларов, в нём китайский перец тай-халун и элитная говядина марки «Сеньор Акимбо».

— Самые редкие ингредиенты не гарантируют, что вкус будет отменный, — возразил Артур.

— Если ешь суп за двадцать тысяч долларов, нужно заставить себя полюбить его, иначе какой толк в такой дорогой еде?

С некоторой долей удивления Артур поднял глаза и узнал в собеседнике телохранителя отца. До этого момента ему не было никакого дела до личности говорящего. Удивительное дело, но Артур, всего три месяца назад живший в полной нищете, совершенно не воспринимал тхари ровней себе. Он говорил так, словно выше всех присутствующих здесь: будто никто из окружающих не познал сущности жизни.

— Знаешь, мне до сих пор кажется, что мне нельзя есть такую еду и, прикасаясь к ней, я нарушаю какой-нибудь закон, — сказал Артур.

— Я тебя понимаю. Эдуард нанял меня шесть лет назад, и с тех пор мне часто приходилось есть что-нибудь дорогое. Сначала я не понимал, как можно тратить такие деньжищи, а потом подсчитал, что доход Эдуарда составляет около двухсот тысяч долларов в секунду, даже когда он спит. Одной секундой он окупает все траты его семьи за день. Иногда двумя секундами. Это позволило мне есть всю еду, которой меня угощают, без зазрения совести. Ты ведь раньше не задумывался, что такое девяносто триллионов?

— Я знаю, что это за число, — ответил Артур так, словно Хи сомневался в его умственных способностях.

— Триллион — не просто число между миллиардом и квадриллионом. Я слышал его либо в школе на уроках математики, либо в журналах вроде «Форбс», где это слово стояло сразу после знака доллара. Все эти тхари вокруг — они даже не думают о таком, тут у половины больше триллиона. Вон тот, — Хи указал на пухлого человечка, пиджак которого сражался с его пузом, — Чарльз Тауэр, у него два с половиной триллиона, он второй после Эдуарда богатый человек. Точнее, уже шестой, а на первом месте ты. Ты и четверо твоих братьев и сестёр.

— Я самый богатый человек в мире? — спросил Артур. Кажется, он только сейчас осознал эту мысль.

— Верно.

— Три месяца назад я питался только тем, что мог украсть, из имущества у меня была только штанга, сваренная мной самим. До сих пор не могу поверить.

— Повезло, что новость о тебе дошла до Эдуарда, — заметил Хи.

— Мой родной отец, Владимир, напился и, заснув в кровати с сигаретой в зубах, сгорел, а вместе с ним — четыре соседних дома. Если бы не это событие, я так и остался бы нищим.

За барной стойкой Артур нашёл аптечку, достал оттуда вату и клей для быстрого заживления. Но не знал, как ими пользоваться, поэтому тщательно вчитывался в инструкцию.

— Позови няню, она тебе поможет, — предложил Хи.

— Представляешь, у меня есть няня, — заметил Артур, будто только вспомнил об этом позорном факте своей биографии. — Мне семнадцать, и у меня есть няня.

— Ты говоришь, словно признаёшься в чём-то постыдном. Нет ничего плохого в том, чтобы иметь няню.

— Мне семнадцать, — повторил Артур, — и я видел много такого, о чём эта няня себе даже не представляет.

— Ты несовершеннолетний.

— Чему она может меня научить? — спросил Артур. — Я уже знаю всё, что можно знать. Это я могу её чему-то научить.

— Не принимать наркотики, например. С твоими средствами ты можешь снаркоманиться легче лёгкого.

Вместо ответа Артур поднял голову с открытым ртом, проговаривая беззвучное «а», словно такое ему пришлось в голову только сейчас.

— Раньше я не мог купить их, — ответил он.

— И не собирайся даже. Видишь вон того кучерявого испанца в сером двубортном пиджаке? Это Эмилио Монтес, сын Хермана, номера четыре в «Форбс». Всю жизнь не слезает с синтетики. Отрезал палец одному из своих сыновей-близнецов, чтобы различать их.

— Ужас какой, — удивился Артур.

— Верно, можно же было сделать татуировку с именем на лбу.

С широко открытыми глазами Артур посмотрел на Хи, а тот лишь усмехнулся.

— Вон там номер два, — продолжил он, — Чарльз Тауэр, он раньше работал с твоим приёмным отцом, пока Эдуард его не выпер, — настоящий изверг и тиран. Ты никогда не увидишь его трезвым. А рядом его сын Джуан, ему тридцать один, но он уже плотный наркоман. Парень — маньяк и живодёр. У окна стоит Клара Сириан, номер восемь. Вдохнула спидбол и протаранила на своём «Сузуки Спортс» магазин обуви, выполненный в форме огромной туфли. Там она украла целый багажник продукции, а продавец сломал обе ноги.

— А почему отец выпер номер два? Того толстяка?

— Раньше они работали вместе, компания называлась «Келвин-Тауэр» и была намного меньше, чем сейчас. Эдуард Келвин и Генри Тауэр строили огромную, влиятельную империю, а потом Генри умер, а на смену пришёл его сын, Чарльз. С ним невозможно было вести дело. Чарльз ссорился со всеми руководителями подразделений, давил на них, сокращал зарплаты, унижал и требовал ежедневных отчётов. Из-за него уволилось большое количество талантливых управленцев, которых Эдуард долгое время поднимал из низов. Сначала Эдуард пытался его отстранить, но ничего не вышло. Тот продолжал всё портить, не мог усидеть на месте. А затем Эдуард сумел его выгнать с куском корпорации. Чарльз стал номером два, а Эдуард номером один. Дальше их дороги пошли отдельно, и вроде бы всё стало хорошо, но го-

тов поставить большой палец правой руки: Чарльз ненавидел Эдуарда настолько сильно, что рано или поздно устроил бы на него покушение, если бы не сумасшедшие роботы в Абудже.

— Ненавидел за то, что его выгнали?

— Посмотри на него, — сказал Хи. — Он ходит здесь как павлин, красуется, пытается занимать как можно больше места. У него слишком большое эго для такого маленького здания. Ему мало быть номером два, только номер один, и никак иначе.

Было видно, что Артур никогда не пользовался аптечкой. Он измазал клеем всю руку, но так и не обработал порез.

— Может, тебе зашить рану? — спросил Хи.

— Может, ещё и в больницу съездить? — съязвил Артур. — Будь на моём месте кто-нибудь из здешних сопляков, наверняка так и поступил бы. А потом выложил бы свой порез в «Пангею» с подписью: «Напал аллигатор, еле отбился».

С тех пор как Артура усыновили, его количество подписчиков в социальной сети «Пангея» выросло до нескольких миллионов. Чувствуя, что разговор начинает утекать в ненужную сторону, Хи спросил:

— Тебе телохранитель не нужен? Моего прошлого клиента не стало, но контракт я заключал не лично с ним, а с корпорацией «Транстек», значит, всё ещё работаю.

— Прощу прощения, — появился у него за плечом Стас, — но у Артура уже есть телохранитель, причём весьма неплохой.

— Я могу быть вторым телохранителем, — предложил Хи. — Буду прикрывать спину Стаса, пока он прикрывает твою.

— Не надо, — возразил Артур. — Мне вообще не нужен телохранитель, так что уходите оба. Дайте насладиться моллюском. Мне кажется, я его заслужил.

— Хорошего вечера, — ответил Хи и ушёл.

Хотя и не показал ни лицом, ни действием — Хи был безупречно сдержан, — он был очень огорчён.

Артур — славный парень, и ему нужен хороший учитель, чтобы показать, как жить среди тхари. Другие богачи могут научить лишь тому, как быть бесхребетными попрошайками отцовских денег. Впрочем, он не унывал: у Эдуарда есть ещё четыре ребёнка и кто-нибудь из них точно захочет нанять его.

Чуть подалее в зале он заметил Лилию и Анетту, сводных сестёр Артура. Он осторожно подошёл к ним, чтобы не напугать.

— Добрый день, — поприветствовал Хи, но они не расслышали из-за шума, даже не обратили внимания.

По внешнему виду сразу можно было сказать, что они неродные: Лилия, двадцать один год, выделялась слегка тёмной кожей и мягкими линиями лица, она была дочерью погибшего индийского солдата; у Анетты же были резкие черты и раскосые глаза уроженки Улан-Удэ. Обе были одеты в вечерние платья, но на Лилии оно смотрелось как надо, а на Ане, слишком низкой даже для одиннадцати лет, как кусок дешёвой тряпки. Видно было, как ей неудобно и как хочется вернуться в джинсы, шорты или даже спортивные штаны.

— Добрый день, — повторил Хи громче, и на этот раз его услышали.

— Привет, — открыла было рот Аня, но ответила за неё Лилия.

Некоторое время они смотрели на Хи, прежде чем Аня его узнала.

— А, это ты... — произнесла она.

Казалось, толпа в зале стала тише. Девочки никогда не сказали бы ему того, что он боялся услышать, — слишком воспитанными были, но этого и не требовалось. Хи всё прочитал в их глазах. Они думали, он виноват в смерти их отца. Сначала Хи был телохранителем генерала Сераджа, и того убили, закончив тем самым первый голодный бунт. Затем Эдуард взял Хи к себе и теперь тоже был мёртв, а телохранитель здоров и полон сил.

— Чем занимаетесь? — спросил Хи.

— Пью вино, — ответила Аня. — А ведь мне одиннадцатая. И никто мне не запрещает.

— Вы пришли сегодня, чтобы найти себе того, кого будете охранять? — спросила Лилия.

За несколько лет Лилия создала себе репутацию тусовщицы и шопоголика, она регулярно появлялась в интернете на снимках в нелепых позах и каждый раз с новым ухажёром. Хи всегда считал её немного глуповатой, но иногда она соображала быстрее всех.

На этот вопрос Хи не смог ответить — ком подступил к горлу.

— Спросите, может, кто-нибудь захочет. У меня уже есть охранник. — Лилия указала большим пальцем себе за плечо, где сидел огромный, очень коротко стриженный человек в чёрном пиджаке, слишком узком для его плеч. Челюсти телохранителя позавидовала бы даже акула, а глаза, абсолютно ничего не выражающие, неотрывно следили за ним. Такие люди вызывали у Хи неприязнь, толк в работе от них был только один — напугать.

— Смотрите, там ещё один Ромео! — воскликнула Аня и указала в сторону барной стойки.

Все трое повернули головы и увидели парня лет двадцати пяти, переминающегося с ноги на ногу и держащего в руках бутылку джина «Кембридж Дистиллери». Кажется, он набирался храбрости, чтобы подойти к Лилии — она была идеальной парой для любого парня в мире. Даже будь она беднее уличного зазывалы, всё равно привлекала бы внимание естественным природным обаянием. Заметив их взгляды, парень покраснел и испарился.

— Ну вот, ещё одного испугали, — заметила Аня с грустью. — У него был такой влюблённый взгляд... Где бы мы ни находились, к Лиле всегда подходят знакомиться, никаких личных границ не знают. Поэтому я у неё выступаю в роли телохранителя. Спровоживаю всех, кто пытается влезть.

— Похоже, тот парень долго набирался храбрости, — заметил Хи. — Выглядел очарованным.

— Они все такие, — ответила Аня, качая головой. Ей было одиннадцать, и она совершенно не понимала, зачем вообще парни подходят к её сестре. — Этот даже был похож на извращенца. Мысленно он наверняка уже завёл от тебя четверню и умер с тобой в один день. Это уже третий, кто собирался сегодня подойти, но так и не подошёл. А так хотелось его растоптать.

— Это действительно утомляет, — подтвердила Лилия. — В клубах телохранитель их разворачивает, но на таких встречах они чувствуют себя увереннее.

— К тебе даже на похоронах познакомиться подходят? — удивился Хи. — Никогда бы не подумал.

— Мы придумали такое развлечение. Когда ко мне подходят молодые люди с целью познакомиться, я их просто уничтожаю. И чем более смущённым он уйдёт, тем лучше.

— А я корчу рожи и издаю дурацкие звуки, — подхватила Аня. — Лиля просто слишком красивая, поэтому она привлекает столько кавалеров. Они не могут оставить мою сестру в одиночестве нигде, даже сегодня.

— А если это вполне приличный молодой человек? — спросил Хи.

— Это легко определить, — ответила Лилия. — Я сразу задаю ему несколько вопросов, такой своего рода тест, и если он отвечает неправильно, я разношу его в лепёшку. Делаю так, чтобы он устыдился одной только своей попытки заговорить.

— Каких вопросов?

— Во-первых, я спрашиваю, чем он может похвастаться, — начала перечислять Лилия и загибать пальцы. — Обычно здешние дети знаменитостей не могут похвастаться вообще ничем, кроме безупречного брюшного пресса. Все они ходят в спортзал и считают, что этого достаточно, чтобы быть нормальным, полноценным человеком. А запросы у них на уровне языческого божества.

— Расскажи про одежду, — вставила Аня.

— Затем я спрашиваю про его одежду. — Лилия загнула второй палец. — Если он начинает рассказывать о каждом предмете, будто лично его сделал: «Ботинки из кожи тюленят от Рене Мильтон, хлопковые носки от Буржуа де Кройон, пиджак с платиновыми пуговицами от Кутюр...» — я его сразу сбрасываю.

— Да, — подтвердила Аня. — Что это вообще такое — хвастаться одеждой? Мне кажется, Лиля притягивает одних придурков.

— Гардеробом хвастаются лишь дети тхари, их родители после покупки одежды тут же забывают про её бренд.

— А остальные вопросы? — спросил Хи.

— Я спрашиваю про интересы молодого человека, — ответила Лилия и загнула третий палец. — Если его единственный интерес — тусовки в дорогих клубах с друзьями, где они спорят о спортивных автомобилях и меряются качеством своих кошельков, я его разворачиваю тут же. С ним ведь даже поговорить не о чем будет. А кошельком я вообще не пользуюсь.

— У нас вот есть интересы, — подтвердила Аня. — Я люблю лошадей. Мама сказала, что я смогу купить лошадиную ферму, где смогу кататься целыми днями. На них можно зарабатывать большие деньги! Видите ту лошадь?

На одной из стен, примыкающих к входной двери, была нарисована трёхметровая лошадь в полный рост. Хи вновь удивился изяществу рисунка. Он много раз его видел, но никогда не задумывался над автором.

— Это я её нарисовала. Она называется «Лизетта».

— Это очень круто, — подтвердил Хи. Сам он совсем не умел рисовать и называл свой стиль «грубый примитивизм».

— А Лилия однажды станет актрисой. Точнее, она уже актриса, правда? — спросила Аня и, не дождавшись ответа, продолжила: — Она играет в любительских спектаклях, и все её хвалят. Вы бы видели её на

сцене. В прошлом месяце она играла Сесилию из «Госпожи Ливингстон», это драма. Когда она сказала своей подружке финальную фразу «Мы будем жить в доме на поле из красных роз», все заплакали. Даже этот, — Аня указала на квадратного телохранителя Лилии, — сначала держался, кривил лицо, а потом не выдержал и выпустил целый фонтан.

— Но это ещё не всё, — продолжила Лилия. — Интересы не самое главное. Когда ко мне подходит молодой человек с целью познакомиться, я говорю, что он слишком страшный, чтобы подходить ко мне. Даже если он вовсе не страшный.

— Не слишком ли грубо? — спросил Хи.

— Да, немного. Но здесь важна реакция. Если парень начинает злиться или хамить в ответ, это верный признак того, что он придурок. Если отвечает с юмором, это отлично.

— А если обидится и уйдёт?

— Тогда я остановлю его и скажу, что это была проверка. Но не сегодня. Если у кого-то хватит воды в голове, чтобы начать флиртовать в день, когда мы прощаемся с нашим погибшим отцом, я вылью всю бутылку вина на его голову.

Несколько минут Хи перекидывался с ними ничего не значащими фразами, а потом попрощался и пошёл дальше через зал, усеянный богачами разных сортов. Вокруг шутили и хохотали, мимо прошёл дрон с бутылкой в клешне. Большая часть людей, пришедших сегодня, — владельцы более мелких корпораций. Эдуард был для них китом, медленно проглатывающим весь этот планктон, и если бы прожил ещё сотню лет, не осталось бы больше никого, кроме его мегакорпорации «Транстек». Эдуард поглощал всех один за одним, его боялись и гадали, когда же придёт их собственное время. Момент, когда на рынке появится мамонт с низкими ценами и неограниченными возможностями.

Кажется, они не понимали, что даже со смертью Эдуарда «Транстек» никуда не делся и теперь новый

директор с помощью Михала начнёт давить всех присутствующих. У них есть лишь короткая передышка, за которой неминуемо последует кровавая баня конкуренции.

Трое из пяти детей Эдуарда отказались от его услуг, отчего Хи не мог не загрузить. Он не хотел идти работать охранником к кому-либо из совета директоров. Он не любил лизоблюдов, думающих только о деньгах и совершенно игнорирующих человеческие жизни. Именно такие, как они, были причиной войны, которую он проиграл.

Хи стоял посреди зала гостей и думал о том, где ему найти старшего сына Эдуарда, который с высокой вероятностью дал бы ему работу. Андрес любил боевые искусства, а Хи в этом отношении был очень высококвалифицированным мастером. Его раздумья прервал Дарвин, вставший из-за рояля. Он взял микрофон в руки и несколько раз хмыкнул.

— Какого чёрта? — спросил он. — Я тут играю грустную музыку, мой отец погиб, а вы смеётесь и выпиваете? У вас вообще совести нет? Либо быстро заткнитесь и говорите вполголоса, либо валите из моего дома.

Прямо позади Дарвина материализовалась няня и увела девятилетнего парня в соседнюю комнату. Вид у него был до предела злой, что странно, Хи всегда считал Дарвина слабаком.

— Этот головастик много себе позволяет, — услышал он голос одного из гостей в стороне.

— Надо бы проучить его за такое поведение, — поддержал другой.

Обычно на такие разговоры Хи не обращал внимания. Люди из этого общества слишком много говорят и слишком мало делают. На их угрозы можно вообще никак не реагировать, однако в этот раз говоривший был уверен, что Дарвин поплатится за свои слова, и это вызывало в Хи тревогу.

На балконе верхнего этажа Хи заметил Андреса, тот стоял с приёмной матерью и смотрел вниз. Раз-

ница в возрасте между ними была в шестьдесят лет: Андресу — двадцать четыре, Елизавете — восемьдесят шесть. Они о чём-то говорили и смеялись. Андрес выглядел как настоящий бугай: рост метр девяносто, крупный, светловолосый, с мышцами втрое больше, чем у Хи. Старший сын Эдуарда проводил по несколько часов в спортзале в своём крыле и выглядел как аватар Аполлона на Земле. Лиза на его фоне выглядела тонкой и незаметной, хотя и сама была выше среднего.

По боковой лестнице Хи поднялся наверх и подошёл к ним со спины. Он успел услышать часть разговора:

— ...она рассчитывала, — смеялся Андрес, а глаза у него были красные от слёз.

— Ну, планы у неё были весьма масштабными, — отвечала Лиза.

— Шестнадцатилетней... склеить девяностотрёх-летнего, до сих пор смешно.

— У неё могло получиться, родись она лет на сорок раньше. Опоздала, что поделать.

— О чём говорите? — вмешался Хи.

— О том, как девушка по соседству пыталась увести нашего отца, — ответил Андрес. — Она пришла к нам в дом, когда он вернулся из командировки, и случайно пролила сок на своё платье, а потом сняла его и ходила в нижнем белье.

— Чем всё завершилось?

— Отец отдал её платье горничной, чтобы она постирала, предложил ей гостевую комнату, а сам пошёл спать наверх. Но это не конец, она приходила ещё несколько раз, но ничего не добилась. Странно это — пытаться добиться мужчины в таком возрасте банальным обнажённым телом.

Видно было, что за этот вечер Андрес выплакал больше слёз, чем за всю жизнь. Он был самым старшим из сыновей, его усыновили самым первым, поэтому он знал Эдуарда лучше других. Он утирал глаза и пытался выглядеть неунывающим, ведь он пример

для братьев и сестёр, но стоило ему вытереть слёзы, как наворачивались другие.

— Зачем пожаловал? — спросила Лиза хриплым старческим голосом. Ей невозможно было дать во семьдесят шесть — шестьдесят максимум. Она была худой, с прямой осанкой профессионального хореографа. У неё был на удивление жёсткий взгляд, способный поставить любого на место. Хи не удивился бы, если бы узнал, что она специально часами стояла перед зеркалом и репетировала этот взгляд. Одевалась она всегда строго, как школьный учитель, при ней всегда хотелось вести себя правильно, иначе получишь указкой по рукам.

— Сказать, что мне очень жаль.

— Ну так скажи.

— Мама! — вмешался Андрес. — Ты же знаешь: если Хи не смог защитить отца, никто не смог бы.

— Мы этого никогда не узнаем, — ответила Лиза.

У Хи с Лизой была давняя холодная вражда. Когда Эдуард привёл его и сказал, что Хи теперь будет защищать его жизнь, Лиза в интернете быстро распала всю правду о нём. Хи был телохранителем генерала Сераджа, поднявшего бунт в Индии, который ещё называли «Войной из-за чайника». В течение одного дня ближе к концу войны Хи получил сначала высшую медаль почёта за обезвреживание террориста, покушавшегося на жизнь индийского командования. А затем был отстранён от работы за изнасилование молодой китайки. Через сорок минут после того, как Хи вывели из здания с наручниками на спине, к голове генерала Сераджа приставили пистолет и выстрелили. Единственный успешный голодный бунт закончился потому, что в тот вечер Хи принял столько наркотиков, что совершенно перестал соображать, где находится.

Позже Хи много раз вспоминал события того дня и знал: будь у него возможность вернуться назад и всё исправить, он бы так и поступил. Не потому, что не хотел позорного увольнения, а потому, что стыдил-

ся своего мерзкого поступка. И даже то, что он был в наркотическом дурмане, никак его не оправдывает в собственных глазах. В глазах Лизы к нему приклепилось клеймо «насильник», и это, кажется, волновало только её одну. Никто из окружающих его сейчас людей даже не посмотрел на него осуждающим взглядом.

— Мне очень жаль, — сказал Хи, хотя ни ему, ни Лизе это не принесло никакого удовлетворения.

— Не извиняйся, — ответил Андрес. — Не представляю, какой это был стресс. Я больше в жизни не подойду к тем стражам с волчьими головами. Вдруг и на меня решат напасть эти хакеры.

Некоторое время они стояли молча, думая каждый о своём, а затем Хи спросил:

— Андрес, у тебя телохранитель есть?

— Нет, я ношу с собой травматический пистолет. Это мой телохранитель.

— Этого недостаточно, ты не можешь смотреть вокруг себя на триста шестьдесят градусов постоянно. Особенно когда чем-то занят. Для этой работы тебе нужен я.

— Хочешь стать моим телохранителем? — спросил Андрес с неподдельной радостью.

Вскоре после войны, шесть лет назад, когда Эдуард нанял Хи, они с Андресом моментально нашли общий язык. Хи владел несколькими видами боевых искусств, а Андрес, на тот момент восемнадцатилетний парень, фанател от фильмов с Брюсом Ли. В спортзале Хи показал ему несколько простых борцовских приёмов, чем заработал пожизненную любовь.

— Теперь это моя святая обязанность.

С нескрываемым ликованием Андрес подошёл и крепко пожал ему руку. Хи удивился такой крепкой хватке, а потом вспомнил, что сам он в таком возрасте стал чемпионом Олимпийских игр по тхэквондо и хватка у него была ничуть не слабее.

— В таком случае, если ты не возражаешь, я начну охранять тебя прямо сейчас, — сказал Хи. Он старал-

ся не показывать, какой груз свалился с плеч. Краем глаза он заметил, как Елизавета скривилась. Наверное, улыбнулась бы она лишь в том случае, если бы Хи сейчас оступился и полетел вниз с балкона, разбив по пути стол и несколько кувшинов.

На первом этаже Дарвин вернулся за рояль и продолжил играть грустные композиции под хохот в толпе.

— Мы с мамой как раз говорили о том, какие у нас некультурные гости, — сказал Андрес. — Пришли на похороны, а веселятся так, будто это корпоратив. Только комика на сцене не хватает.

— Простаки, — ответила Лиза. — Они думают, что теперь могут дышать свободно, без Эдуарда.

— Мы сюда приехали с Михалом, — сказал Хи. — Он говорил, нового исполнительного директора назначат уже завтра.

— Хотелось бы увидеть их лица в этот момент. Надеюсь, исполнительным всё же Михала назначат. Он разорвёт всех конкурентов.

— Михал может уволиться, судя по его состоянию. Я всего несколько раз видел таких подавленных людей, абсолютно потерявших волю к жизни. Внешне он спокоен, но смотрите вглубь.

К ним на балкон поднялся Артур. Он принёс на подносе несколько тостов, нож и банку икры янтарного цвета, которую мечет белуга-альбинос, выращенная с помощью генной инженерии.

— Эта икра стоит тридцать восемь тысяч долларов за банку, — сказал он. — Мне точно можно её есть?

— В каком смысле? — удивилась Лиза.

— Я ни разу в жизни не держал в руках ничего более дорогого, чем эта икра, — сказал Артур, и Хи заметил, как тот сжимает поднос, а ноги расставил на уровне плеч для большей устойчивости. Если бы прямо сейчас произошло землетрясение, Артур бы использовал собственное тело как подушку для этой маленькой баночки. — У меня такое ощущение, что мне нельзя её есть.

— Конечно можно, — ответил Андрес. Он смеялся и, кажется, больше не плакал. — Эту икру для того и купили, чтобы её съесть.

— Но, может, она для гостей?

— Здесь всё для всех, что приглянулось, то и едят. Хочешь эту икру — пожалуйста.

— Лучше не намазывай на хлеб, — вставила Лиза. — Попроси у официанта яйца пашот, пусть приготовят.

Под пристальными взглядами Артур открыл банку икры и погрузил внутрь нож. Глядя на них, он медленно вытащил оттуда несколько икринок и остановил нож возле своего рта, как бы ожидая, что в последний момент ему запретят есть икру за тридцать восемь тысяч долларов. А затем отправил их прямо себе в рот.

— Понравилось? — спросил Андрес.

— Нет, — ответил Артур и закинул следом ещё несколько. — На вкус чуть лучше полиэтиленового пакета, — хмыкнул и ушёл.

Следом за Артуром пришла Лилия. Она подошла к Андресу, ущипнула его за бок и произнесла:

— Там Шарлотта пришла. Требуется твоего внимания.

— Как она мне надоела, — ответил Андрес. — Опять будет устраивать мне нервотрёпку и делать селфи во всех возможных позах.

— Так расстанься с ней, — предложила Лилия. — Хочешь, я ей скажу? Я выпровожу её быстрее, чем ты щёлкнешь пальцами. Давно хочу указать ей на дверь.

Уже несколько месяцев Андрес встречался с девушкой по имени Шарлотта. Это была стервозная особа, которая не нравилась никому, кроме него. Она успевала надоесть каждому, с кем проговорила несколько минут. Никто не знал, почему он вообще начал с ней встречаться: она не могла похвастаться вообще ничем, помимо дурного нрава.

— Только не сегодня. Я скажу ей об этом позже.

— Если я понадобится, только скажи.

— Спасибо, — ответил Андрес.

Весь оставшийся вечер Хи молчал. Во-первых, он уже вступил в работу, значит, его задача была стать невидимым, наблюдающим за всем со стороны. Во-вторых, он всё думал, почему на улице стоит глушилка. Несколько раз за вечер он доставал телефон и проверял сигнал — телефон работал. Так почему же она стоит там? Если гости боялись диверсии или взрыва, то она должна была работать весь вечер. На первый взгляд это нелогично, значит, надо искать логику по-другому.

На улице уже окончательно стемнело. Гости ели и выпивали без перерыва, дроны кружили на кухню и обратно. Дарвин внизу пытался не уснуть, Аня дралась с телохранителем: тот не давал ей больше пить. Артур разговаривал с девушкой в зале. Кажется, это была Изабелла, невестка Чарльза Тауэра, владельца второй самой богатой корпорации — «Тилайф». Между ними чувствовалось притяжение.

Время близилось к полуночи, половина гостей ушла, оставшаяся медленно приходила в себя и одевалась. Охраны на улице меньше не стало, там по-прежнему было две сотни человек.

Взмахом руки Андрес подозвал дрона и попросил принести ему горячей еды. Тот скрылся на кухне и через минуту вышел с подносом, на котором стояла миска супа с мясом омара, пирог с сыром «Гибсон» и бараниной «Визуин». Елизавета сидела в кресле с недовольным лицом. Хи не мог определить истинную причину, потому что в его компании она всегда была хмурой.

Вскоре на балкон поднялась Аня. Она села в кресло рядом с Андресом, обняла его, попыталась завести разговор, спросив, как дела, но мгновенно уснула. Андрес обнял её и стал аккуратно поглаживать по голове. Следом появился Дарвин. Он весь вечер играл на фортепиано и очень устал.

— Съешь чего-нибудь, — предложила Лиза.

В ответ Дарвин лишь отмахнулся. Он лёг на пол посреди всех и раскинул руки в стороны в позе морской звезды. Он тоже заснул, стоило ему закрыть глаза. Елизавета переводила взгляд с одного ребёнка на другого, и в её взгляде Хи читал неподдельную любовь. Ей было уже больше шестидесяти, когда она решила завести детей. Даже в этом возрасте она могла бы родить здоровых сыновей и дочерей с помощью современной медицины, но предпочла усыновление. Она любила каждого приёмного ребенка так сильно, как порой не любят биологические матери.

При взгляде на эту семью Хи мог лишь завидовать. Из всех родственников он поддерживал связь лишь с сестрой. Его родители, казалось, делали всё, чтобы он перестал с ними общаться.

Внизу послышалась лёгкая перебранка, а затем на лестнице появилась Лилия.

— Меня не выпускают на улицу, — пожаловалась она.

— Наверное, это для твоей же безопасности, — ответила Лиза.

— Нет, ты не понимаешь, это люди Чарльза Тауэра нас не выпускают.

Дурное предчувствие навалилось с полной силой. Хи взглянул на экран телефона: сигнал пропал, значит, глушилка наконец заработала.

— Попробуй выйти ещё раз, а мы понаблюдаем, — сказал Хи.

— Но я же только что пробовала, — ответила Лилия.

— Мы хотим посмотреть, как они откажут.

С недовольством, направленным непонятно на кого, Лилия вновь спустилась на первый этаж и пошла к главному выходу. Два неприметных человека в сером камуфляже перегородили ей дорогу, хотя минуту назад там выходили гости. Они оба отрицательно помотали головой, а когда Лилия постаралась прорваться, схватили её, развернули и мягко толкнули обратно в дом.

— Андрес, приведи сюда Артура, — приказал Хи. — Я проверю задний выход.

— С чего это ты раскомандовался? — удивилась Аня. Она почувствовала напряжение вокруг и проснулась. Вид у неё был рассеянный.

— Потому что ваши телохранители едят в зале. Вот почему.

— Ты хочешь увести нас из дома? — спросил Андрес. — Думаешь, они задумали что-то нехорошее?

На это Хи не ответил, он сам пока не знал, что делает и зачем. Знал только, что так надо. У двери на кухне стоял человек в форме и с оружием на ремне. У него был скучающий вид, словно не существовало в мире задачи легче, чем держать взаперти семью самых влиятельных тхари.

— Ждите здесь, — приказал он и двинулся к нему.

Человек перегородил ему дорогу поднятой ладонью.

— Нельзя, — сказал он.

— Что значит «нельзя»? — спросил Хи. — Ты кто такой?

— Нельзя, приказ, — повторил человек. Он был на полголовы выше Хи и чувствовал своё превосходство.

— Уступи дорогу.

— Не могу.

— Ты в доме моих хозяев, я имею полное право пристрелить тебя, и все суды будут на моей стороне.

— Но у тебя нет пистолета, — ответил человек с комично грустным лицом.

Дальше спорить было бессмысленно. Оглянувшись, чтобы никого не было рядом, Хи сжал кулак и приготовился ударить мужчину в горло. Этим бы он добился сразу двух вещей: обезвредил головореза и пресёк возможность закричать. Однако в последний момент Хи передумал и, чуть приподнявшись на цыпочках, заглянул в окно. Снаружи стоял целый отряд из двадцати военных, поэтому Хи развернулся и двинулся обратно к Келвинам.

— Там вооружённая охрана, — сказал Хи, вернувшись к своим.

— Зачем они здесь? — спросила Аня.

— Сейчас не время, — перебил её Хи. — Здесь есть тайный выход? Через подвал на случай осады или нечто подобное?

— Нет, конечно, — ответила Лиза. — Это элитный район, здесь подобное невозможно. Никакие преступники не смогут сюда проникнуть.

— Только если они изначально здесь не находятся, — задумчиво произнёс Хи.

— Наш подвал соединён только с гаражом, — произнёс Андрес, вид у него был бледный.

— Тогда так: разойдитесь, ешьте, разговаривайте, делайте вид, что ни о чём не подозреваете, а я постараюсь что-нибудь придумать.

Дети разошлись, а Лиза осталась рядом с Хи.

— Они хотят разрушить нашу компанию, — сказала Лиза. — Физически, понимаешь? Вот на что способны толстосумы, когда над ними нависает банкротство.

В раздумьях все вернулись на свои места в зале. Совершенно очевидно, из дома не было никаких путей. Хи ничего не мог придумать, ему оставалось лишь сидеть в кресле на первом этаже и смотреть, как уходят гости. Проводного интернета здесь не было, только спутниковый и мобильный. Подавать знак SOS в окно бессмысленно: все, кто имел хоть какие-то деньги, не любили семью Келвин. На всякий случай он запустил экстренную кнопку на телефоне. Если хоть на секунду появится связь, сигнал попадёт в полицию.

На втором этаже Хи увидел Финес, няню, про которую говорил Артур. Она воспитывала всех детей Эдуарда, даже двадцатичетырёхлетнего Андреса могла поругать, когда тот выдумывал что-то неподобающее. На этот раз она отчитывала Джуана Тауэра, сына второго самого богатого человека. Тот разбил стеклянную тарелку, а осколки подбросил в собачий

корм. Это выглядело донельзя нелепо: несмотря на маленький рост и тощее телосложение, Джуану был тридцать один год, и отчитывать его было уже бесполезно.

— Не надо, только не сейчас, — взмолился Хи.

— Собака могла сильно пораниться этим стеклом, — доносился голос Финес.

С искрой в глазах Джуан кивал, делал вид, что соглашается со всем, а когда Финес повернулась, чтобы спуститься по лестнице, он толкнул её, и старушка покатилась вниз.

— Будешь знать, как указывать мне, старая сука! — закричал он вниз, а затем вскинул руки в победном жесте.

Гости, стоявшие поблизости, выказали удивление, но никто не подошёл помочь старой женщине. Стас, телохранитель Артура, схватил Джуана за плечо и спустил по лестнице.

— Только не это, — прошептал Хи, но делать ничего не стал. Нельзя было обращать на себя внимание: он нужен был детям Эдуарда.

— Поднимай её, быстро, — приказал Стас, но Джуан лишь с презрением посмотрел на него.

Рядом появился Чарльз Тауэр. Выглядел он как детёныш бегемота: непропорциональный, с большой головой и висящим пузом. На лице отпечаталось выражение отвращения — самая частая его эмоция. В свои пятьдесят он уже тридцать лет находился под непрерывным действием наркотиков всех форм. Поговаривали в шутку, что у него дома живёт пара десятков доноров печени. Он сменил пиджак на лёгкий чёрный свитер с эмблемой своей же компании — древнегреческий женский профиль в круге.

— Ваш сын толкнул женщину с лестницы, — выпалил Стас.

— Убери руки от моего сына, — ответил Чарльз.

— Ваш сын скинул её с лестницы, — повторил Стас уже не так уверенно.

— Убери руки, — получил он всё тот же ответ. Под внешним спокойствием в словах Чарльза чувствовалась угроза.

Словно загипнотизированный, Стас сделал несколько шагов назад и остался стоять у стены.

— Что случилось? — обратился Чарльз уже к сыну.

— Эта старая сука решила, что может мне указывать, — ответил Джуан. — И я столкнул её вниз.

— Всё правильно сделал, — усмехнулся Чарльз и дал Джуану пять. Некоторое время он смотрел на Финес, ворочающуюся на земле, словно раздумывал, плюнуть на неё или пнуть под рёбра. В конце концов он просто отошёл в сторону с той самой характерной гримасой отвращения, видимо, решил, что его ботинки слишком дорогие для этого.

Оставшиеся гости после инцидента вышли через главный вход, и в доме не осталось никого, кроме семьи Келвин, няни, уборщика, повара, нескольких телохранителей, Чарльза с сыном, Оскара Уэбстера, третьего в списке богачей, и Матео Монтеса, из четвёртой самой богатой семьи. У каждого входа стояли вооружённые люди.

Куда-то пропала охрана. В доме семьи Келвин всегда находилось не менее сорока человек для охраны. Но сейчас никого из них не было видно. Похоже, Чарльз Тауэр приказал двумстам солдатам из частной армии «Бешеные псы» обезвредить их. Связать или даже убить. Для такого человека, как Тауэр, жизнь солдата была не ценнее одноразовой салфетки.

В доме продолжала играть музыка, собранная из хитов и лёгкого аккомпанемента. Чарльз подошёл к планшету, лежащему на фортепиано, и убавил звук до нуля.

— Вы уже заметили, что здесь слишком много солдат? — спросил он, язык у него еле ворочался, приходилось напрягать слух, чтобы понять, о чём он говорит, — побочный эффект метадона. — Если нет, то вам стоит меньше пить.

Чарльз держался за стул, чтобы его не качало, видимо, сегодня тоже перебрал с алкоголем. Он так медленно моргал, что, когда закрывал глаза, могло показаться, что больше их не откроет. Было видно, как ему нравится находиться здесь: он то самодовольно ухмылялся, то поднимал голову и делал глубокий вдох хозяина жизни. Медленно, как перископом, он обвёл взглядом всех присутствующих и не нашёл в зале ту, с кем хотел поговорить: Лиза находилась в дальнем кресле второго этажа.

— Где Елизавета? Приведите её, живо.

Бешеные псы не тронулись с места, никто из них не знал по имени, кто такая Лиза, поэтому через десять секунд в глубь дома направился личный телохранитель Джуана Бартон. Когда он проходил мимо Хи, тот заметил, что его правого уха попросту нет, только дырка. Пока Бартона не было, Тауэр подошёл к старому мастифу Келвинов по кличке Лео. Пёс сидел у рояля, быстро дышал и взирал на всех вокруг безучастно. Тауэр протянул к нему руку и тут же получил сильный укус, больше предупредительный, чем нападающий. Мастиф его сразу отпустил, не стал отгрызать ему пальцы, однако Тауэр взвизгнул так, словно по его руке проехался каток.

— Выстрелите в него! — закричал он, обращаясь сразу ко всем. Никто не шелохнулся, и тогда он подошёл к своему телохранителю, Пикандеру: — Всади пулю в это мерзкое животное!

— Сэр, это же просто собака, — ответил тот, но его спокойствие только разозлило Чарльза. Он выхватил у того из-за пояса пистолет. Провозившись сначала с застёжкой, а потом с предохранителем, направил на пса и выстрелил.

В последний момент Хи закрыл глаза — не мог смотреть на такое. Он много раз видел смерти людей: приучил себя смотреть на это и не бояться, но смерть собаки была выше его сил. Выстрел в замкнутом помещении раздался оглушающим взрывом. Пёс упал на бок и задёргался, как от электрического разряда,

под ним начало образовываться красное пятно. Глазами он обводил всех присутствующих, словно просил помощи.

— Вот так, — прокомментировал Тауэр. — В следующий раз сразу делай, что говорю, иначе отправишься перекрёстки регулировать.

Через минуту Бартон привёл Лизу. В холле собралась вся семья Келвин, кроме Дарвина: он к тому моменту уже спал в собственном крыле и не услышал выстрела в холле.

— Что здесь произошло? — спросила Лиза, а затем ахнула, увидев Лео, лежащего на полу.

— Ваш пёс укусил меня, — произнёс Тауэр так, словно это была её вина.

Во взгляде Лизы было столько ненависти и презрения, им она высказала своё отношение к произошедшему без слов.

— Таким образом вы хотели попрощаться? — спросила она, и мурашки побежали по спине Хи, хотя взгляд был направлен мимо него.

— Да, хотел, — сказал Чарльз и повернулся к своему помощнику, девушке Вивиен с папкой в руках. — Вы подпишете эти бумаги и можете валить куда угодно. А до тех пор вы под домашним арестом. Эти люди с оружием не выпустят вас.

— И ты думаешь, что я сделаю всё, что ты хочешь? После того, как ты убил моего пса? Неудачная шутка, Чарльз, — ответила Лиза.

— А по-моему, очень даже удачная. Просто вам её не понять.

— Ты не можешь приказывать нам в нашем доме — даже у тебя смелости не хватит.

— Представляешь, оказывается, приказывать может не только имеющий власть юридически, но и физически, а здесь, уж прости, явно моё превосходство. К тому же иногда не смелость двигает людьми. Я сюда пришёл не потому, что я бесстрашный, а как раз наоборот — потому что боюсь. И ненавижу.

— Что в этих документах? — поинтересовался Андрес.

— Развал вашей империи. Вы, пятеро наследников Эдуарда, поставите на них свои подписи, и корпорация «Транстек» перестанет существовать. Твоя подпись, Лиза, не нужна. Эдуард передал тебе слишком мало акций «Транстека», чтобы ты могла на что-то влиять в компании.

— А что, если не подпишем?

— Тогда вы останетесь здесь надолго, — просто ответил Чарльз.

— Так просто? — спросил Андрес.

В ответ на этот вопрос Чарльз повернулся к капитану и кивнул ему:

— Покажите ему, что вы можете сделать, если не мы не получим подписи.

Трое «псов» вытащили дубинки и направились к Андресу. Хи встал, и тут же оставшиеся пятнадцать человек в доме направили на него пистолеты и микроволновые пушки. Капитан со всего размаху ударил Андреса, целясь в голову, тот закрылся и удар пришёлся по руке. Что-то хрустнуло. Целую минуту они били Андреса дубинками и пинали носками тяжёлых ботинок.

— Прекратите! — кричала Аня. Она плакала и пыталась вырваться из рук матери.

Уже второй раз Хи чувствовал полную беспомощность. Наверное, из него и правда ужасный телохранитель, раз он позволил этому произойти. Ему бы сейчас броситься вперёд, закрыть своим телом Андреса и умереть, защищая его, но это бы парня не спасло, а Хи хотел спасти всю семью без показательного и бессмысленного геройства.

Когда псы закончили, Андрес был весь покрыт кровью, нос свёрнут набок, пальцы переломаны, он даже обмочился. Аня бросилась к нему и стала его вытирать, гладить по голове и целовать в щёки, Лилия плакала, закрыв лицо руками. Артур сидел бледный и, казалось, только разозлился, а не испугался.

— Вот что будет, если вы не подпишете бумаги, — прокомментировал Чарльз. — Я могу приказать, и вас всех покалечат. Но я даю вам один день на раздумья. Вы цените мою доброту?

— Ты будешь держать нас взаперти? — спросила Лиза. — Как тюремщик?

— Это не только моё решение. Все, кто был сегодня здесь, объединились против вас, можете называть это коалицией. Вы и ваша корпорация слишком многое себе позволяете. Устройте вы собрание пять лет назад, к вам в дом пришло бы в два раза больше гостей. За пять лет половина посёлка обанкротилась из-за вас. Вы используете неограниченный запас средств, чтобы давить по всем фронтам. Знаете, как это называется? Неспортивным поведением. Раз уж вы используете свои преимущества против нас, мы решили использовать свои против вас. К тому же вы сами знаете, у меня к вашей семье личный интерес. Старик решил, что может выкинуть меня из моей же корпорации, она моя так же, как и ваша. «Келвин-Тауэр». Я должен был быть номером один наравне с Эдуардом. Он поступил подло, считайте это праведной мстью.

— Именно поэтому Эдуард тебя и выгнал, — ответила Лиза. — Ты сумасшедший, неуправляемый, ты лишь мешал бизнесу, а не продвигал его.

— Он не имел никакого права. Он основал её с моим отцом. Представь, каково это, вылететь из собственной компании, которой отец отдал сорок лет жизни, а затем я ещё пять. Вы рассчитывали, что это так просто забудется? Я скажу больше: всё, что сейчас происходит, — это следствие ваших действий. Мне не пришлось долго уговаривать остальных, чтобы сбросить вас. Я сделаю то, что давно должен был. Я всех объединил, нанял армию, схватил вас. Без моего участия ничего этого не было бы. А остальные скажут лишь спасибо. Вы раковая опухоль тхари.

— Лиза, подпиши бумаги и не упорствуй, — заговорил Оскар Уэбстер, он был родным племянником

Лизы. — Никто не хочет сегодня бессмысленно проливать кровь.

— Да, — подтвердил Матео. — Мы же не кроваво-жадные звери. Всего лишь защищаем свои шкуры от несправедливой конкуренции. Так нельзя. Подпишите их, и мы исчезнем так же легко, как и появились.

— Нет, — ответил Андрес и сплюнул кровью. — Мы не примем условия людей, которые приходят с оружием в чужой дом.

Скривившись, Чарльз Тауэр снова кивнул военным, и они достали дубинки.

— Не надо, — прервала их Лиза. — Спасибо за предоставленный день. Мы хорошо всё обдумаем.

— Всё равно наши подписи не будут ничего значить, — ответил Андрес. — Как только вы выйдете из дома, мы растопчем вас.

— Вы не понимаете, — ответил Чарльз. — Все против вас, абсолютно все. Шагая по головам, вы настроили против себя каждого в этом мире, в каждой сфере жизни. Не будет суда, который поддержит ваши требования, полиция не приедет на ваш вызов. Оглянитесь, вас все ненавидят.

— Нас ненавидят только тхари, — возразила Лиза.

— Это и есть все. Ты же не назовёшь доходяг за стеной людьми?

— Назову. Мы единственные, кто способен дать им работу и достойную оплату. Они будут за нас.

— Вот и попросите у них помощи. В вашем распоряжении один день, а потом вы отправитесь на содержание в менее комфортабельные апартаменты.

Остановившись в дверях, он обернулся и сказал капитану:

— Ровно через сутки превратите каждого из них в отбивную. Не жалеть дубинок. А до тех пор пусть спят спокойно.

Несколько минут все сидели молча и смотрели, как Чарльз хромот по направлению к дороге. Лужайка перед домом была достаточно большой, чтобы он

успел запыхаться и покраснеть. У него ушло три минуты, чтобы пересечь её и скрыться в ночи.

— Я вовсе не хочу этого делать, Лиза, — произнёс Оскар, вставая со своего кресла. — Но если я сейчас отступлю, то уже через пять лет «Транстек» придёт на мой рынок с низкими ценами, и никакие суды с исками о недобросовестной конкуренции не дадут результата. Вашу империю необходимо уничтожить.

— Сделайте это, — подтвердил Матео. Он всегда говорил очень нежно, и даже угрозы из его уст звучали как приглашение на вечеринку. — Ради вашего же блага.

После этих слов они вышли из дома, и в особняке, помимо охраны, осталась лишь помощница Тауэра.

— Пожалуйста, подпишите, — сказала Вивиен. — Я была на собрании неделю назад, они настроены очень решительно. Это серьёзный сговор.

— Если они объединили всех против нас, почему не могут подделать подписи? — спросил Андрес. — Нотариусы сделают вид, что всё законно и никаких проблем.

— Елизавета права, у вас есть поддержка народа, — ответила Вивиен. — Чарльз опасается очередного голодного бунта. На улицах и так слишком много протестующих, а если они узнают, что последнюю семью, дающую им работу, свергли, то придут сюда, и никакие стены их не сдержат.

В течение полчаса они обсуждали бюрократические мелочи. Семья Келвин после подписания бумаг полностью развалит корпорацию «Транстек» на несколько независимых компаний с собственными директорами. Вся власть на мировую экономику в этом случае потеряется. Они опустятся на уровень остальных тхари Гибралтара.

Андресу отказали в медицинской помощи. Хи вправил ему нос, но левая рука нуждалась в лечении и болталась как плеть. Кровавые синяки начали появляться по всему его телу.

— Нам всем нужно отдохнуть, — сказала Лиза. — Я слишком устала и не могу думать в таких условиях. Предлагаю всем пойти спать.

По комнатам расходились в молчании, за каждым из них следовал человек в военной форме. Хи отправился в спальню для гостей и подпер дверь стулом, чтобы никто больше не вошёл. Не снимая одежды, он залез под одеяло и прикрыл глаза. В этот вечер он много о чём думал. Если бы Хи захотел уйти через центральный выход, его беспрепятственно бы отпустили, но он слишком сильно любил Эдуарда, чтобы так просто оставить его детей без поддержки. Эдуард выкупил его, когда он сидел в тюрьме, и показал, что жизнь не окончилась. Хи был многим ему обязан и теперь считал, что должен отдать долг.

Дальше по коридору спал Дарвин: телохранитель по имени Ян отнёс его в кровать прежде, чем началась потасовка в доме. Особняк был таким большим, что выстрел из пистолета, прозвучавший в холле, не добрался до крыла Дарвина. Он всё ещё спит сладким сном и не подозревает, что в доме находятся вооружённые люди. Каково будет его удивление, когда утром он проснётся и обнаружит, что находится взаперти.

КАНАЛИЗАЦИЯ.

ХЛОПУШКА

Посреди ночи в соседней комнате послышался тихий шёпот. Сначала Хи подумал, что ему показалось — его невозможно было отличить от шума кондиционера, позже шёпот повторился громче, и он понял, что прямо за стеной Андрес говорит с кем-то. Хи осторожно вышел на балкон и посмотрел вниз: там сидели солдаты. Они разговаривали, курили, пили чай из термоса. И все с завистью посматривали на соседний особняк, выполненный

в минималистичном, но очень дорогом стиле. Одним движением Хи перемахнул через ограду и оказался на соседнем балконе. Он вошёл внутрь и обнаружил, что на кровати лежит Андрес, а под ней прячется Артур. Они что-то обсуждали, но тут же прекратили при его появлении.

— Что вы тут делаете?

— Артур говорит, что сможет сделать бомбу, — ответил Андрес.

— Бомбу? — удивился Хи. — Из чего? И, главное, для чего?

— Из сахара, жидкого кислорода и пятновыводителя с аммиаком, — ответил Артур. — Мы взорвём стену в подвале и сбежим через канализацию.

— А где ты возьмёшь кислород?

— Я видел аппарат ИВЛ в кладовке наверху, наверное, для Эдуарда приготовили. Ему же было сто четыре.

— Откуда ты знаешь, как она делается? — усомнился Хи.

Снаружи слышались шаги, кто-то прошёл мимо двери, немного задержавшись. Все трое на минуту замолчали.

— В смысле, откуда? Из интернета. Мы с друзьями взрывали мебель в старых заброшенных домах в основном. Иногда отправляли канализационные люки высоко в воздух.

— А ты уверен, что наш дом не развалится?

— Уверен, — сказал Артур.

— Часто уверенность порождается невежеством, нежели знанием.

— Не развалится, если сила уйдёт куда надо. Там кирпичная стена в половину толщины, причём не сплошная, а просто заложенный проём. Она разлетится, как одуванчик. Думаю, здесь под всеми домами одинаковая коммуникация. Пойдём вдоль канализационных труб по улице и выберемся в коллектор. Если повезёт, то выйдем за стеной.

— Мне это совсем не нравится, — сказал Хи. — Самодельную бомбу трудно сделать нужной взрывной силы. Она получится либо слишком слабой, и нас снова запрут в комнатах, либо слишком сильной, и потолок в подвале обрушится.

— Мне тоже не нравится, — ответил Андрес. — Но ничего другого придумать не могу.

— Эту самую стену я разберу кирпич за кирпичом с помощью зубила. Сначала сотру в порошок раствор, а потом достану их все и сложу рядом, — предложил Хи.

— И сколько у тебя уйдёт времени на это?

— День-два.

— Не годится, — ответил Артур. — Даже если это займёт несколько часов, они услышат шум и увидят, что ты делаешь, вход в подвал будет закрыт. Мы вообще не должны ходить туда до тех пор, пока не будем готовы сбежать, чтобы не вызывать лишнего подозрения.

— Как ты не понимаешь? Это же бомба, не петарда и не салют. Если получится слишком сильной и стена при этом не рухнет, взрывная волна выбьет дверь в подвал, и мы в лучшем случае оглохнем. Всем же придётся быть рядом, чтобы успеть пройти через проход. Лилии, Анетте, Елизавете.

— Иногда наступает момент в жизни, когда нужно довериться другому человеку, — ответил Артур. — Доверься мне и не задавай вопросов. Лучше собери к этому моменту одежду и припасов на всех.

В ответ Хи кивнул. Нерешительно, со вздохом. Быстрый способ ему нравился гораздо меньше, чем тихий. Они собирались взорвать стену в подвале, а давящее ощущение слабости в груди было таким сильным, словно они хотели взорвать бензоколонку, находясь внутри неё.

— Взрыв будет в двенадцать часов дня, плюс-минус две минуты, — сказал Артур. — Я не смогу сделать точный запал. Придётся по старинке, сигаре-

той. К этому моменту все должны быть неподалёку от подвала, желательно с закрытыми ушами и открытым ртом.

— Постарайся не взорвать дом, — сказал Хи и отправился обратно на балкон. — Если потолок обрушится, никто никуда не убежит.

Всю оставшуюся ночь он ворочался с боку на бок, так и не уснув. Перед глазами стоял Чарльз Тауэр, ехидный, самодовольный, и пёс Лео с навсегда закрытыми глазами. Пёс жил в этом доме намного дольше, чем Хи. Ему было уже двенадцать, что делало его глубоким стариком по собачьим меркам, но он по-прежнему делал свою работу, защищал членов семьи, даже когда они сами хотели себе навредить. Когда Андрес принёс в кармане несколько таблеток экстази, Лео облаял его и не пустил в дом. В тот раз Хи зауважал пса за его крепкую преданность.

Под утро Хи заснул, и два часа ему снились беспокойные образы. Он открыл глаза с восходом солнца, самым первым в доме. Спустившись вниз, где сидела утренняя смена охраны, сел в кресло у окна. Пса в доме больше не было, только кровавое пятно у рояля говорило о том, что произошло. Дом постепенно оживал: сначала появился уборщик Кармакс с тряпкой в руках и повар Жюсьен, затем вышли Лиза, Андрес и недоумевающий Стас, потерявший Артура.

Вскоре наверху появился Дарвин, он потягивался и зевал, его белая майка с принтом какого-то рэпера приподнялась, оголяя живот. Для своих девяти лет Дарвин был слишком крупным: он весил пятьдесят девять килограммов, хотя, когда его усыновили, он был очень худым. Обилие еды и комфортная жизнь превратили его в толстяка. Его щёки занимали основную часть лица, шеи не было, а грудь была больше, чем у любой девочки в его возрасте. Когда он ходил, то качал бёдрами, а руки разводил в стороны.

В нерешительности Дарвин остановился на верхней ступеньке лестницы и посмотрел вниз. Что-то на первом этаже было не так, как обычно, но он не мог

понять что. Водил взглядом влево-вправо и обрабатывал данные медленно, как старый компьютер. Сначала он заметил слишком большое количество охранны в сером камуфляже и удивлённо спросил:

— Папа приехал?

А потом сам себе ответил:

— Он же погиб.

Затем взгляд Дарвина упал на красное пятно у фортепиано.

— Здесь что-то разлили? — спросил он.

— Сынок, иди сюда, — позвала его Лиза, и Дарвин направился вниз. Его огромные ноги передвигались очень медленно, а рукой он держался за перила. Хи был уверен, что без помощи рук Дарвин не сможет спуститься и просто скатится вниз, как шар. И ничего при этом не ушибёт.

Девочки наверху продолжали спать, и Хи надеялся, что они успеют проснуться к двенадцати часам, иначе придётся кому-то их будить. Артур появился со стороны кухни, Хи отчётливо видел, как открылась и закрылась дверь в подвал. Он был спокоен и расслаблен. Встретившись взглядом с Хи, он коротко подмигнул.

Чтобы отвлечься, Хи повернулся в сторону бара и включил телевизор. Одна из стен, до этого выглядевшая как расписанное Аней полотно, ожила и предложила к просмотру несколько передач в прямом эфире, спорт, каталог телешоу и целый архив фильмов на любой вкус. Почти всё из этого было платным, за исключением того, что вышло до две тысячи шестнадцатого, так как с тех пор прошло восемьдесят лет и закон о защите авторских прав перестал на них действовать. Хи выбрал свой любимый фильм — мелодраму «Ирландский посол» с Луизой Миллер и Генри Хиллом в главных ролях. Эта история заставляла его плакать каждый раз, когда герои в жёлтых шарфах встречаются на ледовом катке.

Телевизор долгое время сопротивлялся пульту, последнее время вообще все телевизоры ведут себя

очень странно. Не только в этом доме. Главную актрису с помощью меню Хи заменил на другую — Ниу Гэн, а Генри — на Чонгана Лэй, так как больше любил фильмы с китайскими актёрами. Он считал европейцев менее выразительными. К тому же Луиза была весьма посредственной актрисой, и даже нейросети не могли натянуть ей эмоции до нужного уровня. А актриса Ниу Гэн приходилась Хи двоюродной племянницей, и он при просмотре любого лёгкого фильма всегда ставил её на главную роль.

Следуя указаниям, нейросеть мгновенно заменила внешность актёров, их имена и даже название фильма. Теперь в кадре была Ниу с Чонганом, и смотрелись они естественно, словно фильм изначально снимали с этими актёрами. В заголовке теперь стояло название «Китайский посол», а главный герой прибыл не из Дублина, а из Пекина.

Сегодня Хи лишь делал вид, что смотрит фильм, а сам краем глаза следил за всем, что происходит в доме. Дарвин плакал, он любил своего мастифа и больше всех о нём заботился. Андрес сидел на диване с Лилией, они о чём-то говорили. Аня помешивала ложкой суп и, похоже, совсем не собиралась его пробовать.

В одиннадцать часов они собрались в зале вокруг стола, к тому времени фильм завершился, но Хи не плакал — он пропустил большинство сцен. Они обсуждали возможность подписания документа и оставались на том, чтобы Чарльз Тауэр шёл в задницу. Определённо. Именно туда ему и дорога.

Конечно, они говорили не всерьёз. Видимо, кто-то из охраны поделился их разговором, так как через четверть часа появился сам Тауэр. Он был взбешён и хромал на своей трости больше обычного. Входную дверь он открыл резким рывком.

— Пусть идёт в задницу, да? — прошипел он. Чарльз был очень зол, казалось, он начнёт извергать лаву из задницы. — Вы думали, я буду с вами шутить? Скоро вы пожалеете, что не родились дохлыми.

Таким злым они его ещё не видели, хотя настроение у него всегда менялось за долю секунды.казалось, вены на его лбу лопнут от перенапряжения, а глаза выскочат наружу и покатаются по полу. Лицо покраснело, будто его выварили в кипятке, руки дрожали.

— Капитан, — приказал он мужчине в форме с мёртвыми глазами, — достать дубинки и избить младшую. Превратите её в кусок кровавого фарша. Но оставьте правую руку, мне ещё нужна её подпись. Нет, не её, — передумал он. — Старшую. Эту куклу Барби. Сделайте так, чтобы её лицо превратилось в картошку.

Краем глаза Хи заметил, как Стас расстёгивает кобуру под мышкой. «Пожалуйста, не надо, — мысленно прошептал он. — Ты же ничего не добьёшься». По глазам Стаса Хи видел: тот, кто захочет ударить Лилию, больше не жилец.

Капитан мгновенно подчинился, он достал из-за пояса резиновую дубинку, это же сделали ещё трое солдат рядом с ним. Хи поднялся из-за стола, он сжимал в руке фарфоровую статуэтку добермана.

— Пожалуйста, не надо, — взмолилась Лиза. — Она же ничего не сделала. Мы всё подпишем.

— Слишком поздно, — возразил Тауэр. — Я хочу посмотреть, на кого она станет похожа после обработки.

Один из солдат занёс дубинку для удара, сидящая на стуле Лилия была прямо под ним. Похоже, Хи единственный видел, как Стас поднимает лёгкий пистолет марки «Рузвельт»... Прогремел выстрел, оказавшийся неожиданностью для всех, и в голове солдата появилась крохотная дырочка прямо над левым ухом. Прогремел второй — и следом за первым солдатом упал второй. Остальные бросились в укрытие, но выстрелы уже было не остановить. Третий солдат получил пулю в сердце прямо в полёте. Капитан упал замертво, так и не успев оглянуться. Чарльз Тауэр получил пулю в грудь, но ещё живой спрятался за колонну.

— Чёрт, меня подстрелили! — выдавил он, глядя, как кровь вытекает из груди, в области правого лёгкого.

Оставшиеся солдаты подняли оружие почти одновременно. Стас прыгнул за барную стойку и откатился подальше. Пока пятнадцать стволов превращали бар в решето, Артур побежал в подвал и вернулся оттуда с металлическим контейнером для смешивания напитков, от которого отходил провод, прикреплённый к выключателю и аккумулятору от электровелосипеда. Всё было перемотано изолентой.

Солдаты заметили Артура и прекратили огонь. Парень выглядывал из-за колонны, держа перед собой прибор как защиту.

— А-а, помогите же мне кто-нибудь, — продолжал стонать Тауэр.

— Всем стоять, — приказал Артур. — Одно лишнее движение, и эта штука уложит нас всех.

Возникла тишина. Лиза, солдаты, Стас — все смотрели на прибор и не понимали, что это такое и каким образом оно должно всех остановить.

— Мы с Артуром сделали эту бомбу ночью, — подтвердил Андрес, говоря невнятно, потому что язык опух — он прикусил его вчера во время избиения дубинками. — Там два килограмма в тротиловом эквиваленте. Только шевельнитесь, ублюдки, я вам обещаю, только шевельнитесь.

Военные направили на него оружие, но ничего не делали — их капитан успел уйти на тот свет, убитый пулей в спину. Лиза смотрела на штуку в руках у сына и гадала, правда ли у него в руках взрывчатка или это лишь хитрый ход, чтобы выиграть время.

— Пошли все вон, — скомандовал Артур. — А этого оставьте. — Он указал на Тауэра, лежащего на полу и пытающегося вернуть воздух обратно в лёгкие, пузырями выходящий из дырки у него в груди.

— Как мы узнаем, что она настоящая? — спросил один из «бешеных псов». Его голову закрывала маска, но по голосу было слышно, что он молод.

— Ты этого не узнаешь, пока я не нажму на кнопку, — продолжал блефовать Артур: у него в руках была взрывчатка мощностью всего в двести граммов тротила, а не два килограмма, как соврал Андрес. К тому же в ней совсем не было картечи. В таком просторном помещении с большими окнами она могла бы только оглушить ненадолго. Но остальным это знать было не нужно.

В нерешительности военные начали пятиться к дверям.

— Пойдите, заберите меня, — попросил Тауэр.

— Ты останешься здесь, дедуля, — ответил Андрес и вытащил из-за пояса мёртвого капитана дубинку. — Я хотел тебе кое-что показать.

Военные вышли из дома все до последнего. Больше ни одного человека в сером камуфляже не осталось в здании. Лишь их злобные лица продолжали мелькать за окнами.

— Вставайте, — Артур начал поднимать остальных с пола. — Все в подвал.

— Зачем нам в подвал? — спросила Лиза, но ответа не дождалась.

Пока семья спускалась в подвал, Андрес поднял дубинку и несколько раз хорошо ударил Чарльза по разным частям тела, но тем не менее не нанёс таких серьёзных повреждений, какие нанесли ему. Напоследок Андрес плюнул на Чарльза и побежал за остальными.

Внизу Артур уже таскал мешки с песком и цементом к кирпичной перегородке. Он хотел изолировать взрыв, чтобы волна была направлена в нужную сторону. Рядом стояли две кувалды на случай, если взрыва окажется недостаточно.

— Мальчики, что вы задумали? — спросила Лиза.

— Мы сбежим через канализацию, — ответил Артур.

— Канализация, фу, — застонал Дарвин, его воротило от одной мысли о том, что надо будет передвигаться под землёй.

— Пожалуйста, все выйдите из подвала, закройте уши и произносите без перерыва звук «а».

Всё происходящее казалось сном. Хи знал семью Келвин уже несколько лет и даже не думал, что однажды они станут заложниками в собственном доме. Они производили впечатление хозяев мира.

Вместе они положили взрывчатку к стене на уровне одного метра и придавили её мешками, выключатель примотали длинными проводами и вывели наверх из подвала. В коридоре между кухней и подвалом стояло четырнадцать человек: шесть из семьи Келвин и восемь человек обслуги, включая самого Хи.

— Всем приготовиться, — приказал Артур и нажал на кнопку.

Люди зажмурились и напряглись, будто ожидали ядерного взрыва. Внизу раздался хлопок — любой из выстрелов звучал громче, чем этот взрыв внизу. Когда Хи спустился, не заметил никакой разницы: мешки как лежали у стены, так и остались. Если бы не звук, он бы подумал, что бомба не взорвалась.

— Не сработало? — спросила Аня.

— Мешки направили взрыв куда надо, — ответил Артур. — Сейчас посмотрим, насколько он был эффективен.

Стены позади мешков не оказалось, она разлетелась на несколько крупных кусков кирпичей, склеенных между собой цементным раствором. В доме наверху снова раздались шаги: сквозь окна военные увидели, что в холле никого нет, и пришли забрать Тауэра, а заодно посмотреть, куда все делось.

— Сюда, — скомандовал Артур.

Все, кто был в подвале, начали пролезать сквозь новообразовавшийся проём. Дарвин поцарапал щёку об острую кромку кирпича: он всегда был довольно неуклюжим. Последними остались Хи, Андрес и Артур. Чуть в отдалении стоял Стас. Он хотел убежать, но не мог бросить Артура без прикрытия.

— Я разолью бензин на пол и подожгу, — сказал Артур и указал на две канистры, стоящие на самом верху лестницы, возле выхода из подвала.

— Я ему помогу, — сказал Хи и повернулся к Андресу: — А ты беги.

Шаги наверху стали ближе, военные искали их по всему дому, но пока не догадались спуститься в подвал.

— Они в подвале, кретины, — послышался стонущий голос Чарльза Тауэра. — Проверьте подвал.

Не теряя ни секунды, Хи бросился держать дверь, а Артур за канистрами. Внутри не было ни щеколды на двери, ни любого продолговатого предмета, чтобы запереться, вставив его между ручкой и полотном. Пришлось держать дверь руками. Сначала «псы» с той стороны попробовали аккуратно нажать на неё, а когда поняли, что её держат, начали давить всем весом. Когда и это не получилось, кто-то из них достал пистолет и выстрелил несколько раз. К счастью, Хи понял, что они собираются воспользоваться оружием, поэтому спустился вниз секундой раньше. Там Артур уже залил весь пол бензином. Хи прошлёпал по луже, и теперь все его ноги по щиколотку были в горючей смеси.

Дверь наверху распахнулась, в полумраке подвала появилось светлое солнечное пятно, кривое от теней спускающихся «псов». Андрес достал отцовскую зажигалку «Голдблум» за двенадцать тысяч долларов и приготовился поджечь. «Псы» застали Артура с канистрой в руках, первый из них выстрелил, и пуля вошла Артуру в ногу.

Дальше случилось то, чего Хи даже не мог представить. Он видел всё со стороны и успел рассмотреть как следует. Артур, уже стоящий в коридоре за разбитой стеной, корчится от боли в ноге, падает на колени, остатки бензина из канистры выливаются на него самого. Он находит в себе силы и кидает эту канистру внутрь подвала. Андрес без задней мысли зажигает огонь и бросает его следом. Зажигалка летит по

кривой траектории и проделывает три вещи: поджигает Артура, взрывает пустую канистру прямо в полёте, падает на пол и поджигает весь подвал. Ноги трёх «псов» оказываются в огне, и они в спешке бегут обратно в дом. Одного из них настигает пуля Стаса, попав прямо между лопатками.

Непонимающий Андрес смотрит, как Артур катается по полу и пытается снять с себя горящую одежду. Хи снял с себя майку и бросился бить ею Артура, а затем закрывать его сверху, но она была слишком маленькой, чтобы перекрыть доступ кислорода. На Хи была лишь эта майка и узкие хлопковые штаны. К нему присоединился и Андрес, но его майка была ещё уже — он любил покрасоваться своими мышцами. Они старались закрыть Артура со всех сторон, но огонь всё горел и не собирался гаснуть.

Вокруг начинал подниматься дым и запах горелой плоти. Однажды Хи уже надыхался дымом до слуховых галлюцинаций и не хотел, чтобы это повторилось вновь.

Артур стонал и пытался ворочаться с бока на бок. К тому моменту, когда они победили огонь, на голове Артура не осталось волос, лишь расплавленные завитки, слившиеся в одну чёрную массу. Его лицо и руки стали полностью красными и облезли, вся кожа покрылась волдырями, глаза бегали из стороны в сторону. Стас, телохранитель Артура, смотрел на это широко раскрытыми глазами. Он сам оказался лишь мальчиком, когда дошло до реального столкновения.

— Держись, мы отвезём тебя к врачу, — сказал Андрес. Вместе с Хи он осторожно подхватил Артура и понёс вдоль канализации. Стас бежал впереди, проверяя дорогу.

Чем дальше они продвигались, тем сильнее вонь была в нос. Тут и там бегали крысы, прячущиеся при их приближении. Никого впереди не было видно. Все, кто прошёл перед ними, затерялись в сети туннелей. Слышались выстрелы — это «псы» наверху догадались, что они ушли через канализацию, поэтому

побежали вдоль дороги, стали открывать люки и заглядывать вниз.

Они передвигались совсем медленно. Артур, повисший на руках Хи и Андреса, шагал очень неуверенно, то и дело пытался потерять сознание.

— Мне так больно, — повторял он. — Отпустите меня, пожалуйста.

— Держись, — подбадривал Андрес. — Скоро мы окунём тебя в холодный душ, будешь наслаждаться.

Позади них поочерёдно открывались люки, кто-то заглядывал вниз и затем кричал: «Чисто!» Преследователи приближались, и в очередной раз люк открылся прямо у них над головой. Вниз опустилась голова в серой фуражке, взглянула на них и прокричала: «Они здесь!» Хи и Андрес, левая рука которого распухла, потащили Артура в боковой проход, но не успели пройти и десяти шагов. Пули застучали по голому бетону, и одна из них с чавканьем угодила Артуру в затылок. Тело его обмякло.

— Артур, ну чего ж ты... — прошептал Андрес.

— Надо бежать! — крикнул Хи, и они рванули, оставив обгоревшее тело Артура позади.

ГИБРАЛТАР.

ТОЛСТЫЙ ФУТБОЛИСТ

Впервые в жизни Дарвин пожалел, что не умеет бегать. Обе его сестры умчались далеко вперёд, и он видел лишь их спины. Даже мама на девятом десятке и пожилой уборщик с признаками умственного расстройства передвигались быстрее него. Он слышал тяжёлые шаги по асфальту над головой: вооружённые люди носились по поверхности и искали его. Для него такое было в новинку, он боялся, и это ощущалось физически: непонятный холод наполнял его изнутри, делая его ещё более тяжёлым, чем он есть.

Вокруг было темно, освещение поступало лишь через дыры для дождевого слива на поверхности. Когда становилось особенно темно, Дарвин доставал свой «Самсунг Юниверс шестнадцать», отделанный рубинами и редким жёлтым кварцем, и освещал им дорогу. Он бежал по узкой тропе рядом со смердящей рекой из отходов. Воняло так, что он мог бы потерять сознание, позволь себе дышать чуть глубже. Телохранитель Ян, шестидесятилетний бывший военный, подгонял его сзади и всячески подбадривал.

— Дыши ровно, а не то через сто метров выплюнешь лёгкие, — говорил он и плевал на пол. Голос у него был скрипучий, прокуренный, будто кто-то водит медиатором вдоль струн.

Где-то вдалеке слышались выстрелы. Дарвин старался их не замечать. Его усыновили в четыре года, он ещё помнил свою старую семью наркоманов. Мама-наркоман и папа-наркоман любили друг друга больше всего на свете, а о нём постоянно забывали. Когда их лишили родительских прав и его взял к себе Эдуард, Дарвину казалось, что дни одиночества и голодания навсегда позади. Теперь он будет купаться в любви, как оладушек в сиропе. И вот он, в шортах выше колена и футболке, скрывающей талию, в лёгких тапках и с взъерошенными волосами, идёт по канализации прочь от людей, которые хотят его схватить.

Ряд бегущих растянулся на сотню метров, и, когда над головой начали открываться люки, они разделились на несколько групп. Все побежали в разные стороны, это же сделали и Дарвин с Яном. Они бежали вниз по склону, ручеёк испражнений в этом месте превращался в бурную реку с порогами. Все замки на решётках были сорваны: кто-то из впереди идущих телохранителей срезал их болторезом. Несколько раз они миновали датчики движения, светящиеся красным, увидели несколько разбитых камер видеонаблюдения.

Судя по времени в пути, они наверняка покинули границу посёлка. Канализация соединилась с коллектором Гибралтара лишь одним узким коридором. Это сделали для того, чтобы протестующие не смогли пролезть под стенами во время штурма. Здесь же была установлена взрывчатка на случай, если понадобится обрушить проход и окончательно отделить посёлок от внешнего мира.

— Я больше не могу, — сказал Дарвин и остановился. Его сердце стучало, отдавалось в голове, в глазах стало темно. Пот со спины стекал таким обильным ручьём, что носки промокли. — Я больше не могу. Я не солдат, не могу столько бегать. Пусть приходят и забирают меня, я сделаю всё, что они скажут.

Вместе с Яном он остановился на середине пути, и они посмотрели друг на друга. Дарвин всегда знал, что телохранитель его не любит: это понималось по тому, как тот на него смотрел. Это был взгляд мужчины, видящего перед собой размазню. Но Дарвину было уже всё равно, он слишком сильно устал и не мог отдышаться.

— Твоя семья бы этого не хотела, — ответил Ян.

— И что ты мне прикажешь делать? — разозлился Дарвин. — Ты же видишь, я не могу больше бежать.

— Сдаться хочешь? Остановиться прямо сейчас?

— Да, именно этого и хочу.

— Отдать негодьям наверху всё своё состояние? — спросил Ян.

— Да, — ответил Дарвин, но на этот раз не так уверенно.

— Развалить империю, которую твой отец строил всю свою сознательную жизнь?

— Да, — проговорил Дарвин совсем не уверенно.

— Подарить им всё это только потому, что ты устал и больше не можешь бежать?

— Нет.

— Тогда ты должен бороться, дай им отпор. Покажи, что ты мужчина, что ты чего-то стоишь. Пусть увидят, что они зря связались с тобой, пусть пожале-

ют, что однажды пришли в дом семьи Келвин с оружием.

— Да, так и сделаю, — ответил Дарвин, чувствуя прилив воодушевления, к сожалению, физических сил это не добавляло.

— И как ты этого добьёшься? — спросил Ян.

— Я найму армию в три раза больше, чем эта, нет, в десять раз больше. И моя армия придёт в дом каждого, кто сегодня был у меня, и заставит их всех бегать по канализации до тех пор, пока не упадут от усталости или от вони.

— Вот это отличный план, — подтвердил Ян. — А теперь достань телефон и вытащи из него аккумулятор.

— Зачем? — спросил Дарвин и сразу догадался: — А, я понял. Только аккумулятор в нём несъёмный.

— Это плохо.

— Хочешь, я его выкину?

— Нет, — возразил Ян. — Мы продадим его. Нам нужны деньги.

Они снова побежали по канализации, и на этот раз Дарвина подгоняла злость. Он и не знал, что она может придавать столько сил. Чем больше он уставал, тем больше злился, тем сильнее хотел выбраться отсюда всем назло.

Кажется, они окончательно потерялись. Вокруг никого не было слышно: ни преследуемых, ни преследователей. Лишь они одни вдвоём на весь коллектор. Ян шёл сзади, и его выгоревшее лицо с веснушками мелькало в лучах солнца. Он был худ, невысок, но производил впечатление гораздо более сильного человека, чем телохранитель Лилии, у которого в плечах могло поместиться два Яна.

Так прошёл час. Они всё шли, и шли, и шли. Старались держаться тех ответвлений, где был ветер и солнечный свет. Дарвину это даже нравилось, в своих фантазиях он героически преодолевает все препятствия, посланные ему недругами, чтобы однажды

вернуться и победить всех с помощью каратэ. Он настолько воодушевился и погрузился в мечты, что за каждым поворотом ожидал увидеть комнату, где живут черепашки-ниндзя с их бессменным учителем.

Дом потерял Дарвин, но почему-то Ян выглядел гораздо печальнее. Телохранитель и раньше был неразговорчивым, а сейчас полностью погрузился в себя. Так он шёл, уставившись себе под ноги, и не заметил железной трубы точно на уровне его лба.

Наверху слышались машины, значит, Дарвин с Яном достигли города. Сквозь решётки дождевых сливов — дождь в Марокко бывает раз в два года — они видели людей в платьях и лёгких рубашках.

Со временем вонь стала настолько невыносима, что они решили выбраться наружу. По приставной лестнице они поднялись и отодвинули люк в сторону. День мгновенно ослепил их. Солнце стояло в зените, и его лучи ощущались на коже горячими прикосновениями, хотелось как можно быстрее уйти в тень. Их окружал Гибралтар, построенный посреди пшеничных полей и одной стороной примыкающий к подножию горы Бо Насер. Они выбрались наверх между домами жилого квартала, Ян поднялся и помог выйти Дарвину. На выходе их встретил старый выпивоха с бутылкой, завернутой в бумажный пакет. Он был настолько пьян, что его попытка поздороваться прозвучала как «Добр дэнь».

Неожиданно Дарвин осознал, что денег у него сейчас ничуть не больше, чем у бездомного. У него, как и у всех людей, был вживлён в ладонь чип с привязкой к банковскому счёту, к айди, к телефону, к замкам, ко всему, что контактировало с человеком и предоставляло какие-либо услуги. Он мог бы снять наличные в любом банке, но его отследили бы быстрее, чем кассир открыл бы кассу с наличными.

Сразу же как появилась связь, на телефон пришло сообщение о восьми пропущенных, и вслед за этим раздался звонок. Звонила мама:

— Дарвин, ты в порядке, тебя не ранили? — спросила она запыхавшимся голосом. Кажется, люди по ту сторону трубки до сих пор куда-то бежали.

— Нет, мы целы. Нас с Яном отделили, пришлось убежать одним, сейчас мы идём...

— Ничего не говори, — прервала его Лиза. — Уверена, нас подслушивают. Просто знай, что скоро мы выгоним негодяев из дома и всё снова станет хорошо. Побудь пару дней с Яном, пока мы не найдём выход, хорошо?

— Да, мам.

— Я тебя люблю, сынок.

— И я тебя, мам.

— Избавься от телефона как можно скорее, — в трубке послышался голос Лизы, сдерживающей слёзы, и у Дарвина самого глаза стали мокрыми.

Связь прервалась, но перед этим он успел услышать голос Лилии, она что-то говорила про Андреса. Дарвин ещё некоторое время не мог прийти в себя, он вытирал глаза рукавом футболки, колени тряслись. Ян стоял рядом. Он не слышал разговор, но догадывался, о чём шла речь.

— Что она сказала? — спросил Ян.

— Они скоро выгонят всех из дома, и мы вернёмся.

— Так и будет, — подтвердил Ян. — У твоей мамы очень много друзей, они помогут. Сейчас надо побыть одним, подождать, пока всё наладится. Два или три дня, неделя максимум.

— Хорошо.

— Ты будешь молодцом? Продержишься пару дней?

— Да, — ответил Дарвин, по-прежнему вытирая слёзы.

— Молодец, а теперь пойдём, и будь осторожен — в Гибралтаре нельзя расслабляться.

Удивительно, что Дарвин ни разу не посещал этот город, хотя прожил здесь больше пяти лет. Аэродром находился в другой стороне, и его семья всег-

да путешествовала в дальние страны, а не в ближайшие места.

Когда он впервые приехал в посёлок после голодных бунтов, ему было три года, и он мало что запомнил об этом времени, но у него в памяти отчётливо отпечатались силуэт города, ещё совсем маленького на тот момент. С тех пор Гибралтар расширился до невероятных размеров и тянулся до самого горизонта. Это был самый быстрорастущий город на данный момент.

Он даже внешне отличался от остальных городов — в нём дронам разрешалось летать по улицам, поэтому всё пространство между домами было заполнено тысячами жужжащих механизмов. Они доставляли еду и почту для каждого из сорока пяти миллионов жителей. Непрерывный шум миллионов пропеллеров без перерыва раздавался по городу, и для многих жителей не отличался от звуков природы. Порой дронов становилось так много, что они закрывали небо, ни разу при этом не столкнувшись.

Несмотря на то что Гибралтар находился в низине, своими пиками он превосходил высоту посёлка. Весь центр города был усеян небоскрёбами, ближе к окраинам находились обычные дома высотой в десять—пятнадцать этажей. Зелёных зон было совсем немного.

Вокруг говорили на самых разных языках. Помимо родного русского, на котором говорили оба его родителя, няня Финес научила его английскому и некоторым выражениям на испанском. Но таких языков, как в этом городе, он не слышал даже в фильмах. Казалось, говорившие не используют язык вовсе, а произносят звуки остальными частями гортани. У парней в чёрных рясах получались харкающие звуки, будто они хотят сплюнуть. Продавец за стойкой с хот-догами говорил так эмоционально, будто ему только что упала гантель на ногу. У девушек с рюкзаками, на которых стояла эмблема Гибралтарского университета бизнеса, язык состоял

из одних гласных, а волосатый и небритый певец с гитарой пел на перекрёстке песню так пугающе, словно его язык изобрели для одного из фильмов ужасов.

Повсюду виднелись рекламные голограммы. Одна из таких появилась прямо напротив Дарвина. От неожиданности он остановился. В других городах реклама не была такой навязчивой.

— Я вижу, тебе нужна новая одежда? — спросил прозрачный парень в пончо. — Тогда скорее в «Сен-сент»! Там ты найдёшь всё, что пожелаешь.

— Спасибо, мне не нужна одежда, — ответил Дарвин, не сразу сообразив, что разговаривает с записью.

— Высокое качество по отличным ценам! — закончил парень и исчез.

Следом за ним появилась прозрачная женщина, она держала в руках цветочный горшок, но слушать её Дарвин не стал. Он побежал вслед за телохранителем. Вокруг светилась реклама всех возможных форм и размеров. Она появлялась на экранах, на домах, проецировалась на дороги. Двадцатиметровый футболист с двухметровым мячом приглашал на секцию футбола всех детей от шести лет. После чего дал пас Дарвину, и прозрачный мяч пролетел сквозь него. На короткий миг Дарвина ослепили вспышки проекторов, установленных в соседнем доме.

— Я знаю, где ближайший ломбард, — сказал Ян. — Пойдём. Только постарайся быть неузнаваемым, у тебя же восемьдесят миллионов воздыхателей на «Ювебе».

Страницей в социальной сети «Ювеб» Дарвин не управлял — это делал семейный агент по рекламе. Сам он заходил на неё очень редко. Дарвина интересовала лишь социальная сеть «Грайндхаус», где он анонимно выкладывал свои рэп-композиции, хотя там у него подписчиков было только двадцать семь. Неделию назад было двадцать восемь, но парень из Ирака внезапно отписался от него.

Удивительно, но у многих людей на улицах были бионические протезы: руки, ноги, иногда части черепа. Он слышал, что на Индийской войне, начавшейся после первого голодного бунта, многие получили увечья, но не подозревал, что там было столько участников. Наверное, четверть людей в возрасте от двадцати пяти до сорока имела что-то механическое в теле: железная кисть, железная ступня, иногда плечо. Кто-то ходил на обеих механических ногах и делал это невероятно легко, словно родился с такими ногами.

Получается, что где-то на поле боя валяются все оторванные части их тел. Помимо этого, протезы рук и ног были выставлены на витринах, и Дарвин гадал, есть ли вокруг люди, которым руку отрезал хирург, чтобы дать железную. Потерять руку в бою и поставить механическую — это он понимал, но были ли такие, которым рука из плоти надоела и они решили, что хотят получше. С ножом, вставленным в предплечье, или с метателем дротиков.

Большая часть магазинов, кафе или игровых заведений была закрыта. На них висели бумажные листки с текстами вроде «Закрылись» или «Магазин закрылся», реже был приписан полный текст, по какой причине они вынуждены были это сделать. К одной из них Дарвин подошёл и прочитал: «Закрылись, не выдержали конкуренции. Спасибо за многолетнее сотрудничество». Это был магазин инвентаря для спорта и туризма, через дорогу Дарвин увидел другой такой же под названием «Сенсент». Его витрины были разбиты, всё внутреннее убранство разграблено, а на входной двери грабители написали красным баллончиком: «Ублюдок». Наверное, имели в виду Оскара Уэбстера, владельца сети «Сенсент». Оскар был у них вчера на похоронах, только за что его тут ненавидят, Дарвин не знал.

— Сколько здесь мародёров, — удивился Дарвин.

— Это не мародёры, — возразил Ян, но разъяснять свою мысль не стал.

Чем ближе к центру они подбирались, тем чаще им попадались разбитые магазины вместо закрытых. Казалось, в этом была какая-то логика, но Дарвин не мог её уловить. Он слишком мало времени провёл на улице, чтобы понять: здесь ненавидят жителей посёлка, местные вкладывают в слово «тхари» столько же ненависти, сколько богачи вкладывают гордости. Люди винят тхари в финансовом кризисе, поэтому грабят лишь те магазины, которые принадлежат жителям за стеной. Мелкий бизнес местного предпринимателя здесь, наоборот, стараются поддерживать.

Путь для движения они выбирали не самый людный, но и не глухие переулки между домами. В таких местах обитали только наркоманы и бездомные, поэтому человек в приличной одежде рисковал быть ограбленным. Они избегали сетевых ломбардов и направлялись в частный.

День перешёл в вечер, и Дарвин начал замерзать. Он сложил руки на груди и весь съёжился, из одежды на нём была лишь любимая оверсайз майка с принтом Томми Балькуды, лучшего современного рэпера. Наверное, именно благодаря ему Дарвин начал заниматься музыкой, но мама и няня запретили поступать в школу диджеев, чтобы научиться создавать биты. Они отправили его в музыкальную школу на фортепиано и сказали: «Когда всему обучишься, можешь заниматься чем хочешь». Но иногда, тайком, Дарвин записывал треки и заливал их на «Грайндхаус», самую большую социальную сеть для исполнителей. Чтобы его не узнали, он перед камерой всегда носил маску Гая Фокса и читал только под псевдонимом Эм-Си Разрушитель — это было самое крутое имя, которое он смог придумать. В своих треках он говорил о том, что никого круче нет и он отметелит любого, кто косо на него посмотрит.

Никому не нравилось то, что он делает, пользователи соцсети писали, этот рэп даже лажей нельзя назвать. Даже более опытные рэперы говорили, что это не рэп, а моча. Все комментарии к его записям сво-

дились к тому, что у него нет таланта и ему стоит тратить время на что-то другое. После этого Дарвин сажился за фортепиано и играл на нём с утроенной силой, а затем возвращался и зачитывал рэп. Ничто не могло его остановить, даже мнение людей.

У него в голове готовы были десятки текстов, он сочинял их под одеялом, а потом отправлял самому себе на имейл под нейтральными заголовками «Домашнее задание, испанский» или «Расписание экзаменов». Однажды его репетитор испанского чуть не открыл письмо с домашним заданием. Если бы он увидел его текст, Дарвину пришлось бы в этот же день уйти из дома в добровольное изгнание. Он был слишком стеснителен, чтобы показать кому-то, что он сочинял. Тем более неприличных слов в этих текстах было больше половины. А уж если бы кто-то из родных нашёл его канал... он бы гораздо легче признался в употреблении экстази и запивании его водкой.

— Мне нужна куртка, — обратился он к Яну, идущему немного позади него. — И штаны.

— Ломбард уже близко, — ответил тот без какого-либо намёка на сочувствие.

За углом действительно оказался ломбард. Он располагался под табличкой «Ломбард».

— Жди здесь, постарайся не бросаться в глаза, — сказал Ян и ушёл. Было девять часов вечера.

Последний батончик «сникерс», захваченный в доме, ушёл за минуту. Дарвин съел его только сейчас, потому что не хотел делиться с Яном: тот был строен и силен, ему было не понять мучения толстяка вроде Дарвина. Еды больше не осталось.

Сидеть становилось скучно, телефон Ян забрал, а на улице совсем ничего не происходило. Даже уличные музыканты, встречаемые ранее по дороге, здесь отсутствовали. Ради развлечения Дарвин начал пинать пластиковый стаканчик, найденный возле переполненного мусорного бака, и представлять будто он Николо Аллегро, двадцатилетний бомбардир

«Вероны» по прозвищу Эль Флако. Стаканчик летал в проходе между жилым домом и служебным выходом небоскрёба, отскакивал от стен, люди на тротуаре иногда оборачивались на него, но быстро теряли интерес. Вскоре и сам Дарвин устал, присел на бетонный пандус, утирая со лба пот, несколько минут не мог отдышаться.

Холод пришёл вскоре после того, как Дарвин остановился. Он запыхался и глубоко дышал через широко открытый рот, сердце готово было покинуть грудную клетку: оно уже стучалось изнутри. Маленькие крошечные иголки, казалось, впиваются под кожу и вкалывают ему жидкий азот. Время узнать он не мог — телефона нет, по внутренним ощущениям, Яна не было уже больше часа. Короткий взрыв энтузиазма закончился, теперь Дарвин снова хотел домой, не смотря ни на что. Он не человек улицы, почему Ян не может этого понять? Нет на свете более приспособленного к комфорту индивидуума, чем Дарвин, и, наверное, никогда не существовало.

Холод и голод действовали на него не столько физически, сколько психологически. В три года его забрали из дома, в котором отключили отопление за неуплату, он не ел несколько дней, одежда на нём представляла собой старые изношенные лохмотья, ставшие слишком короткими для его быстро растущего тела. Оказавшись в новом, богатом доме, он первым делом начал одеваться в самую дорогую и приятную на ощупь одежду, ел больше, чем нужно, и остановиться было невозможно.

Сколько бы Дарвин ни ждал, Ян не возвращался. Стало совсем темно, и ему пришлось прыгать на месте, чтобы не замёрзнуть. Он лично развеял миф о том, что жир защищает от холода. Взгляни он чуть раньше в сторону ломбарда, заметил бы серый фургон, из которого выбежало шесть человек в камуфляже. Они забежали в здание, в руках у каждого была наготове дубинка. Когда они вышли, тащили Яна под руки с окровавленной головой — сам он идти не мог.

Они скрылись внутри кузова фургона, который всё ещё продолжал стоять. Вероятно, люди в форме с помощью телефона отследили Яна с Дарвином сразу же, как только те вышли из канализации.

Не в силах больше терпеть, Дарвин направился к ломбарду посмотреть, что там делает Ян. Дарвину начинало казаться, что тот продал телефон, а деньги забрал себе. На углу дома, перед тем как Дарвин успел перейти дорогу, ему встретился бездомный. Тот сидел на куске пенопласта, а рука, словно намагниченная, метнулась в его сторону.

— Поддай старику, мальчик, — произнёс он.

— У меня нет денег, — ответил Дарвин.

— Ты похож на того, у кого есть деньги. — Старик поднял голову, из-под старого грязного капюшона на него уставилось худое небритое лицо, светящееся под уличными фонарями. — Наверняка у тебя в заднем кармане лежит сотня-другая, верно?

— Нет, у меня вообще ничего нет.

— Я тебе не верю, малыш. Готов поставить мои последние ботинки, что у тебя в кармане кое-что да есть.

— Если тебе это надо, забирай, — ответил Дарвин и вывернул карманы: в них не оказалось ничего, кроме смятой этикетки от «сникерса». — Видишь?

— Удивительно, и вправду ничего.

— Я же говорил.

— Значит, ты носишь деньги в сумке на груди? — спросил бездомный.

— Нет у меня никакой сумки.

— По твоему лицу видно, что есть. Ты ведь умный мальчик, значит, прячешь деньги там, где их не достанут карманники.

В ответ Дарвин приподнял майку и показал, что под ней ничего нет.

— Неужели ты спрятал их там? — спросил бездомный, сделав акцент на последнем слове, голос у него был мягкий, как ручей. — Я уже видел людей, которые носят деньги в трусах. Ты ведь там их и прячешь, да?

— Вовсе нет.

— Ты ведь умный мальчик, я это сразу понял. Такие, как ты, всегда хорошо прячут деньги, чтобы их не ограбили в этом безумном городе.

— Трусы я снимать не буду, — ответил Дарвин. — И вообще сейчас я позову своего папу, и он навалится тебе.

— Это того, которого держат в той машине и бьют второй час?

С удивлением Дарвин посмотрел в сторону ломбарда и заметил серый фургон точно напротив выхода. На его борту была эмблема красного питбуля в восьмиугольнике. Фургон периодически покачивался из стороны в сторону, словно внутри кто-то танцевал. Если там бьют Яна и пытаются узнать, где он оставил Дарвина, то он им пока ничего не сказал.

— Пойдём в переулок, — ответил бродяга, вставая. Он достал из внутреннего кармана засаленной военной куртки недопитую бутылку скотча и сделал глубокий глоток. — Проверим, правду ли ты говоришь.

— Никуда я не пойду, — ответил Дарвин, однако не сделал и попытки уйти. Его ноги онемели, этот старик будто загнипнотизировал его.

— Не заставляй меня применять моего друга-переговорщика. — Бездомный похлопал себя по груди, где под зелёной тканью было что-то спрятано. Там мог лежать как нож, так и перцовый баллончик или электрошокер.

Не в силах ответить, Дарвин подчинился. Бродяга положил руку ему на плечо и повёл перед собой в тот самый переулок, где полчаса назад Дарвин играл в одиночный футбол с пластиковым стаканчиком. Одним залпом старик допил бутылку и бросил её в кирпичную стену жилого дома, она разлетелась на куски стекла и мелкие капельки алкоголя, от запаха которого Дарвина затошнило.

— Снимай шорты, пацан, — приказал бездомный. Он стоял в трёх шагах, уперев руки в бока, сквозь ды-

рявые ботинки проглядывали грязные пальцы ног. Бродяга слегка покачивался в такт алкоголю в голове.

Через всё тело Дарвина струилась слабость. Он даже не нашёл в себе сил ответить, лишь отрицательно помотал головой.

— Представь, что ты на приёме у школьного врача.

На этот раз у Дарвина не хватило сил даже на движение головой. Перед глазами всё плыло, желудок вырывался наружу. Гравитация, судя по его ощущениям, усилилась в два раза.

— Можешь стоять здесь хоть всю ночь, но пока не сделаешь, что я скажу, никуда не уйдёшь.

— Я ухожу, — ответил Дарвин, но не сдвинулся с места.

— Нет, не уходишь. Ты будешь послушным мальчиком или увидишь, что лежит у меня в кармане. Поверь, ты не хочешь знать, что там.

— Я ухожу, — повторил Дарвин и начал медленно разворачиваться, как трактор на гусеницах.

Лицо бездомного исказилось, на нём появился бешеный оскал. В руке сверкнуло что-то блестящее. Холодная сталь ножа прислонилась плашмя к его щеке, кончиком указывая на глаз. Он наклонился совсем низко, так, что вонь изо его рта способна была ослепить Дарвина.

— Ты останешься здесь, маленькая жирная свинья! Ты сделаешь всё, что я скажу. Теперь я твой повелитель, твой отец, твой бог. Снимай штаны, живо!

При упоминании отца Дарвина передёрнуло, он стал злиться. Если этот бродяга, этот старик, это ничтожество, этот безымянный алкоголик думал, что может сравниться с Эдуардом, то он определённо сошёл с ума.

— Ты не мой отец, — прошипел Дарвин. — Мой отец умер, его больше нет.

Со всего размаху Дарвин ударил бездомного между ног и побежал. Ему вслед сыпались проклятия и угрозы, но он не обращал внимания. Дарвин бежал и плакал, утирал слёзы, но не останавливался. Бежал

до тех пор, пока не готов был упасть в обморок от усталости. Дарвин добежал до не приметного переулка, где никого не было, кроме безликих небоскребов. Стояла глубокая ночь. Он залез в картонную коробку возле мусорного бака и заснул. Ему снилось мороженое.

КАЗИНО. ЛЮБИТЕЛЬ БОЕВИКОВ

Телохранитель Лилии был настолько крупным, что передвигался медленно. Его выносливости позавидовала бы даже лошадь, но мощная комплекция вкупе с неудобной одеждой не давала развивать большую скорость. Их группа, состоящая из Лизы, Лилии, двух телохранителей и уборщика Кармакса, отделилась от остальных, когда на их пути появились военные. Они нырнули в боковой проход и шли, пока Лиза не устала окончательно. Её поддерживали двое человек, но тем не менее для неё это было большим испытанием.

— Я знаю одного человека, он нам поможет, — говорила она. — Это мой старинный друг.

Вспоминая, Лиза закатывала глаза и погружалась в далёкие, сладкие видения прошлого. Она описывала этого человека как решение всех возможных проблем. Клайд Ирвинг, один из боссов преступного мира, вырос вместе с ней в элитном городке рядом с Лондоном, и с тех пор они поддерживали связь. Клайд отправил ей восемьдесят поздравительных открыток на день рождения, начиная с шести лет, и к каждой вкладывал какой-нибудь цветок, которого она раньше не видела.

Эти рассказы Лилия слушала без энтузиазма. Её выгнали из собственного дома, и ничто не могло поднять ей настроение. Все её братья остались где-то

в канализации, сестра потерялась. Она готова была расплакаться, но держалась, чтобы поддерживать мать. То, что они идут к какому-то криминальному боссу, совсем её не утешало. Необходимость воспользоваться помощью преступника, а не полиции, уже говорила о том, что дела у них хуже некуда.

— Когда мы уже придём? — спросила Лилия в сотый раз. Ей надоела канализация, надоели крысы, убегающие при свете фонарика, их мерзкие лысые хвосты тоже надоели.

— Мы сейчас под Пэлл-Мэлл-стрит. Дойдём до Дисней-роуд — выйдем на поверхность.

Все улицы Гибралтара носили названия известных брендов, компаний или студий, и чем ближе к центру они находились, тем более известными брендами назывались. Ни одна из улиц или проспектов не называлась Транstek, в честь самой большой корпорации, зато были названия дочерних компаний: Гермес-стрит, в честь Службы такси, морских рейсов и авиаперелётов, или Гестия-роуд, получившая название от самого большого мирового застройщика, соорудившего в том числе и Гибралтар. А также Гефест-парк в честь «Гефест инк» — горнодобывающей и нефтегазовой компании. Все эти корпорации теперь принадлежали Лилии и её братьям — людям, бегущим из дома через канализацию.

От душного воздуха кружилась голова, но ей всё же было намного легче, чем Лизе. Её мать, хоть и вели под руки, дышала так часто, словно пробежала марафон.

Больше всего Лилия скучала по Ане. Куда она подевалась? Они бежали бок о бок, когда послышались выстрелы. Что было дальше, происходило как во сне, и лишь половина отложилась в памяти. Какое-то внутреннее существо будто завладело её телом и помчалось прочь, и ей повезло, что мама направилась в ту же сторону, иначе Лилия осталась бы с одним лишь уборщиком и телохранителем. Она иногда жалела, что была такой слабой. Вот Андрес — пример ответ-

ственного, сильного человека. Он знает, как выбраться из любой ситуации, его ничто не может сломить. Хотела бы она быть такой же сильной и чтобы невзгоды отскакивали от неё рикошетом.

Ей хотелось заснуть и спать до тех пор, пока все проблемы не решатся. Направиться в какое-нибудь безопасное место и отключить свой разум от повседневных дел, может быть, заняться чтением. Она бы многое отдала, чтобы вернуться в прошлое и просто пойти на шопинг. Внутренний голос говорил, что она достаточно взрослая, чтобы решить все проблемы, свалившиеся на них. А другой внутренний голос возражал первому, говорил: «Не стоит тратить усилий, всё как-нибудь решится без тебя».

Дисней-роуд оказался совсем не таким, каким Лилия его представляла. Вместо узкой улицы с жилыми домами ей предстал яркий проспект с броскими вывесками кинотеатров, ресторанов и модных бутиков. Кое-где были разбиты стёкла, повсюду разрисованы граффити, почти всё сверкало яркими цветами. Лишь едва перевалило за полдень, а народу здесь было полно, словно вот-вот должен начаться концерт всемирно известного рок-исполнителя. Они выбрались через люк в переулке, и первое, что представало посреди всего этого, — сверкающее здание казино и отеля «Люмьер де Парис».

В высоту оно достигало пятидесяти этажей, но выглядело коротышкой рядом с ближайшими небоскрёбами, зато в плане расцветки побеждало всех. Каждый сантиметр этого здания, если это не стекло, был выкрашен в красный или золотой цвет. Наверняка ночью оно светилось и привлекало внимание в три раза сильнее. Такие здания Лилия уже встречала в других городах, но не ожидала увидеть что-то подобное здесь. Город Гибралтар с балкона её комнаты представлялся как нечто-то скучное, куда ездят ночевать работники их дома. В её воображении была картина города, где ничего интересного не происхо-

дит, где все люди похожи друг на друга, а машины ездят с одинаковой скоростью.

— Несмотря на название, казино держат не французы, — сказала Лиза. — Оно лишь когда-то принадлежало им. Сейчас казино владеет Клайд, а он наполовину грек, наполовину испанец.

— Я бы сюда не ходил, здесь плохие люди сидят, — обратился к ней Кармакс. Его голос при высоком звучании имел детские интонации, и это сбивало с толку тех, кто слушал его впервые. — Не ходите туда, пожалуйста. Меня однажды там поколотили и выкинули на улицу.

При звуке его голоса Лиза словно впервые вспомнила, что их уборщик по-прежнему идёт с ними. Стоило ей от него отвернуться, она тут же про него забывала. Наверное, из Кармакса получился бы отличный шпион. С помощью чипа на тыльной стороне ладони Лиза хотела перечислить ему денег как благодарность за беспокойство, но вспомнила, что их в этом случае быстро отследят. Им нельзя пользоваться деньгами некоторое время. Вместо этого она крепко пожала ему руку:

— Спасибо, милый. Спасибо, что был с нами. Ты очень хороший работник.

— Я хороший работник? — удивился Кармакс. Глаза его засияли от похвалы, он будто стал выше ростом от распираемой гордости.

— Да, хороший. Ты всегда просыпался раньше всех и целый день следил за чистотой. Не думай, что мы этого не ценим.

— Да, я всегда следил, чтобы чисто было.

— Ты молодец, и удачи тебе. Желаю тебе найти хорошую работу.

— Я могу идти домой? — спросил Кармакс с надеждой. Кажется, он не понимал, что его работа на семью Келвин подошла к концу. Он воспринимал этот день как возможность пораньше уйти домой.

— Да, иди, купи себе молочный коктейль.

С небывалым выражением счастья на лице Кармакс отправился вниз по улице. Лиза надеялась, что его не ограбят по пути.

— Бедный мальчик, — сказала она, хотя их уборщику было сорок девять лет. Она не догадывалась, что на следующее утро Кармакс проснётся и без единой дурной мысли поедет в их дом и продолжит там убираться. А Тауэры, расположившиеся в нём, даже не вспомнят, что вчера этот уборщик сбежал с остальными, и он продолжит мыть полы и протирать мебель как все пять лет до этого.

Дисней-роуд располагался не в центре города, но дорога здесь была оживлённая: десять полос, и все их занимали мчащиеся на огромных скоростях грузовые дроны. Изначально дороги были узкими — всего шесть полос, но тогда город не был настолько велик. Когда возник посёлок, город построили небольшой — всего лишь место, где будут располагаться офисы компаний и дома для obsługi. Когда же стало известно, что здесь появилась работа, сюда направились безработные со всех концов света, отдавая последние деньги на авиабилеты и прививки от местных болезней. Чем больше становился город, тем больше расширяли дороги и улицы. В итоге в нём стало так тесно, что город мгновенно превратился в муравейник. Работу здесь получала лишь половина населения, а другая либо воровала, либо трудилась на пользу общества за еду.

Среди прохожих была заметна огромная разница в уровне дохода. Из ста человек, прошедших перед Лилией за то время, пока она стояла в переулке и глядела на здание казино, двадцать носили костюмы — обязательный атрибут работы в офисе крупной компании. Двадцать ходили в повседневной одежде, иногда похожей на рабочие комбинезоны. Остальные шестьдесят были одеты в обноски разной степени потёртости.

Некоторое время Лилия искала пешеходный переход, а потом поняла, что светофоров здесь нет —

в Гибралтаре существовали только подземные и надземные переходы. По проезжей части люди не ходили.

На входе в казино путь им преградили два охранника: один пожилой и лысый, со скучающим взглядом, а другой молодой и бородатый. Оба были одеты в одинаковые серые брюки, белые рубашки с бабочками и серые жилетки.

— Сколько лет? — спросил бородач у Лилии, перегородив ей дорогу. — Детям вход запрещён.

— Мне двадцать один.

— Предоставь «айди». Вам я бы не советовал заходить, — продолжил он, обращаясь к Лизе.

— Почему это? — удивилась она. Елизавета не была похожа на оборванку, которые ходят по улице. На ней была простая домашняя одежда, выглядящая прилично в любой обстановке.

— Сегодня вы потратите все ваши сбережения, а завтра придёт ваш сын разбираться, куда его мать дела все деньги. Никому это не надо.

— Вообще-то... — начала Лилия, собираясь рассказать, что денег у них столько, что не смогут потратить в этом казино и за тысячу лет. Лиза прервала её, положив руку на локоть.

— Я хотела бы увидеть главного, — сказала она. — Мы с ним старинные приятели. Господина Ирвинга.

— Владельца казино? Он принимает только по предварительной записи, — возразил бородач, лицо его стало холодным, отстранённым, уголки губ опустились. Лилия тут же назвала это антиулыбкой. Лысый закатил глаза. Кажется, оба охранника были не в восторге от своего руководства.

— Он будет рад меня увидеть.

Охранники и по совместительству швейцары переглянулись. Более старый произнёс в пустоту, словно увидел перед собой воображаемого друга:

— Два человека пришли на приём к боссу.

Что ему отвечал воображаемый собеседник, они не слышали, но, судя по ответам, вопросы было легко угадать:

— По личному делу, говорят, давно его знают.

«Как они выглядят?» — в голове представляла вопрос Лилия.

— Женщина и девушка. Да, как в той песне. И какой-то здоровяк с ними.

Что ждало их впереди, Лилия не представляла. Она лишь надеялась, что в казино им дадут поесть в кредит. Наличными они уже давно не пользовались, а чипы не работали. Неприятное чувство в желудке начинало напоминать о себе.

— Проходите, — сказал бородач и открыл перед ними дверь.

— Спасибо, — ответила Лиза и мягко толкнула дочь вперёд.

Войдя внутрь, Лилия зажмурилась — в глазах зарябило от обилия золотых и красных оттенков. Наверное, это должно было вызывать чувство роскоши у простых людей, но Лилии это казалось весьма странным интерьерным решением. В любом ресторане любого уровня было красивее. Светило множество люстр, и при этом не было ни одного окна, отчего создавалось впечатление, что казино находится в собственной, отдельной реальности, где время идёт иначе. От входа к барной стойке тянулась широкая красная ковровая дорожка, по обе стороны от которой находились ряды столов с сотнями игроков. Всё светилось огнями, отчего начинала болеть голова. Создавалось ощущение, что её хотят загипнотизировать.

Сотни голосов сливались в единый неразборчивый гул, из динамиков вокруг лился ненавязчивый джаз. Чуть ниже уровнем, судя по указателям, располагался зал с игровыми автоматами, ещё ниже залы с рулеткой, а в самом низу — закрытый зал, хотя Лилия даже не представляла, что там может быть.

Некоторые люди в помещении смеялись и разговаривали, другие молча смотрели в экраны с блекджеком, где играли против виртуальной китайки в красном платье. Здесь, в казино, люди надеялись на